

Антон ЛУКИН

с. Дивеево

Нижегородской области

«ПУТЕШЕСТВИЕ В ОБРАТНО...»

рассказы

ДОМ НА СОВЕТСКОЙ УЛИЦЕ

1

Многоквартирный дом в Дивеево на улице Советской, где я прожил одиннадцать лет, был старой постройкой. В самом начале двадцатого века в доме останавливался император Николай II. Здание предназначалось под игуменский корпус и было построено в 1885 году. Основным акцентом главного фасада служило крыльцо в виде пятигранного эркера, устроенного на оба этажа и завершённого кокошниками. В нём находились игуменские покои, где жили сёстры, располагались библиотека и канцелярия. Уже в советское время переднюю часть здания отдадут под райисполком и суд, а задний двор — под жилые квартиры.

Двор хоть и казался небольшим, но нам, местной детворе, было в нём просторно. Можно было побегать с мячом и даже поиграть в лапту. Когда маме дали квартиру, мне едва исполнилось пять лет. Тогда, пожалуй, действительно всё кругом казалось больше и выше, как и наша с сестрёнкой комната. В доме некоторые комнаты были как настоящие хоромы. Четырёхметровый потолок, большие полукруглые окна, в углу такая же массивная круглая печь, обитая железом. Когда родится младший брат Андрей, печь разберёт дядя Вася и сложит более удобную: она будет меньше размером, но тепла даст больше.

Вообще, наш дядя Вася знал в том деле толк. Был он постоянно в работе и с любым делом справлялся на раз-два. Мастер на все руки! И если где кому требовалась помощь, никогда не отказывал. Только мы, мелкие хулиганы, порой обижались на его «правильный» нрав. Но то ведь детские обиды, долго в нас они не задерживались и серьёзных намерений за ними не было.

Жили мы с соседями дружно. Каждую весну взрослые организовывали субботник, жгли старую сухую траву, ветви и листья. Двор быстро преображался после зимней спячки,

становился чистым и опрятным. Ближе к вечеру после добросовестной уборки на улицу выносили стол, ставили на скорую руку тарелки и... появлялась бутылка. Шли тёплые душевные разговоры о жизни, взрослые вспоминали юность. Мне нравились такие посиделки. Всегда было интересно подслушать уткой несерьёзную беседу соседей. Оказывается, эти взрослые дяди и тётки тоже в своё время любили попроказничать. Да ещё как хулиганили! Заслушаешься. И так же получали заслуженные подзатыльники от старших.

— И карбид взрывали... — начнёт кто-то из мужиков рассказ.

— Как взрывали? — удивлялся я.

— Ступай-ступай, — прогоняли меня женщины. — Нечего тут слушать.

— Да, — улыбались мужики. — Этому подробности ни к чему.

— Хочешь, научу мышей летучих ловить? — подмигивал мне сосед через стенку — Масленников Игорь; с моим отцом они учились в одном классе.

— Как? — спрашиваю.

— Укрываешься белой простынёй и ходишь ночью по улице. Мыши летучие сами в тебя врезаются, — Игорь смеялся.

— Ну, прям! — не верю.

— А ты проверь, — подначивал Масленников. — Или трусишь?

Игорю, а ещё другим соседям — Александру Коробову, Сергею Елизарову — тогда не было и тридцати лет. Нередко эти взрослые парни над нами подшучивали, и потому нам, ребятам, не всегда удавалось сразу разобрать, где правда, а где очередной подвох.

Как-то раз Елизаров выбросил старую раму от мотоцикла. Мы с его племянником, тоже Антоном, как и я, решили собрать мотоцикл. Тот Антон, кстати, жил в Нижнем Новгороде, а в Дивеево приезжал на лето к бабушке. Так вот откопали мы где-то на свалке бак и шины, даже сиденье сами смастерили.

— Да-а, на таких колёсах далеко не уедешь, — улыбнулся дядя Игорь, увидев наши приготовления. — Камера нужна.

— Где ж её взять-то, — отчаянно вздохнули мы в надежде, что нам дадут дельный совет. Не прогадали.

— Травой набейте, — подсказал с умным видом дядя Саша, который тоже был поблизости. — Мы раньше всегда так делали.

— Точно, — подхватил дядя Игорь. — Лучше всякой камеры будет.

— Правда? — мы с другом наивно глядели на взрослых.

— А то, — дядя Саша Коробов кивал двухдвухдольной щетиной. — И старайтесь как можно плотнее. Не жалейте. Им ведь, колёсам, что?.. Главное — упругость.

Мы с Антоном принялись рвать траву и, как нам велели, набивать ею покрышки.

— Вот и двор преобразился. И косить не надо, — мужики посмеивались.

Когда мы догадались, что нас облапошили, забранились на советчиков.

2

А как взрывается карбид, я всё же узнал, пусть не от соседей, а от старших мальчишек. Вообще, от них мы много чего узнавали: как мастерить воздушки, цыкалки, поджигные... Те мальчишки постарше нас всего года на три были, но в младшем возрасте, когда тебе — десять, а им — все тринадцать, разница сильно ощутима. Так вот те мальчишки уже и про девчонок заводили разговоры, курили и даже пробовали алкоголь, и проказы их серьёзнее наших детских, и дрались они отчаянней. Если мальчишки в основном борются и катаются по земле, то подростки уже бьются до крови.

Как мы узнали от тех старших ребят, карбид не взаимодействует с водой. Плюнешь на него — шипит. Бросишь кусок в лужу — бурлить начинает, белый дым идёт. Поднесёшь спичку — горит. Расколешь на мелкие кусочки его, запихнёшь в бутылку, нальёшь немного воды, взбултыхнёшь как следует и — врассыпную. Отбежишь подальше и ждёшь... А бабахнет от души! Бутылка, как ракета, взлетала в небо. Чаще всего взрывать карбид мы ходили на речку или на заброшенные стройки — в общем, подальше от посторонних глаз. В девятые годы строительство многих зданий из-за нехватки денег замораживали и годами недострой дожидался своей участи. По таким

заброшкам любили лазить все хулиганы: взбирались на этаж повыше и крышу, спускались в подвал, играли в войнушку и в догонялки. Каждый раз мы разбивали колени в кровь и лбы. Кто-то даже ломал руки и ноги. Родители под строжайшим запретом не разрешали нам ходить на заброшки. Если кто увидит и доложит — ругани дома было не избежать. И всё равно нас магнитом тянуло именно туда. За рестораном находилось полуразрушенное здание из красного кирпича — бывшая котельная. Её тоже каждый уважающий себя мальчишка излазил вдоль и поперёк. Мы взбирались на крышу, вольно по ней прогуливались. Напротив — двухэтажный ресторан и универмаг, позади, внизу обрыва, шумит река Вичкинза. Однажды кто-то из взрослых нас спугнул, так что детворе пришлось быстро спускаться вниз. Тогда я сильно повредил ногу и долго хромал.

3

Летним выходным днём мама затеивала стирку. Грязного белья за неделю накапливалась приличная гора, которую потом с трудом отстирывала стиральная машинка «Малютка». Полоскать бельё женщины выносили на улицу — прямо на лавку ставили тазы. Топили печку-прачку. Я бегал с ведром на колонку, носил воду. Выльешь два ведра в таз, спешишь наполнить следующий. В тазах мама разводила синьку, которая лучше отбеливала и придавала белью аромат свежести, чистое тут же вешалось на верёвку во дворе. Но больше всего мне нравилось, как пахнет бельё зимой. Принесёшь его с мороза, а оно каменное: штаны не согнуть, не разогнуть, аж хрустят, и холодом веет от них, и пахнут они зимой. Красота!

Иногда местные дивеевские монахины просили помочь принести им с колонки воды: понятно, с возрастом тяжело таскать тяжёлые ведра. А ещё монахины бережно пололи сорняки на клумбах, поливали цветы. Сад от разнообразия цветов радовал красотой своей. Я соглашался, приносил им воды и каждый раз слышал в ответ столько благодарных слов и похвалы, что бежал на колонку ещё и ещё,

притворяясь, что для меня это особой трудности не представляет.

Одной из дивеевских монахинь была бабушка Вера — так её все звали. Годков, наверное, ей было за семьдесят. Маленькая ростком и сильно горбатая. Горб тянул её и без того маленькое тело к земле. При удобном случае она кормила голубей и кошек — жалела всякую живность. А вот кота Ваську нашего ругала, называла озорником. А всё потому, что он охотился на птиц. Но я не держал на бабушку Веру зла, как и вся местная детвора. Старушка она была добрая, вежливая. Всегда при встрече кланялась и нередко заводила разговор о Боге. Поговаривали, что её единственный сын наложил на себя руки. Правда это или домысел, я не знаю. Но помню, как бабушка Вера частенько нам повторяла, что за каждое зёрнышко, за каждую крошку, склёванную голубем, прощается один наш грех. А грехов у каждого столько, что всех птиц в мире накормишь с избытком! Ещё бабушка Вера нахваливала нашу маму за то, что та вывешивала у окна зимой кормушку. Каждый раз после беседы с монахиней мы брали с сестрёнкой хлеб и шли кормить голубей. Хорошие люди знают, как направить другого на добрые дела, — не заставить, не уговорить, а именно направить.

4

Вечерами Сергей Елизаров часто оставлял у ворот гаража свой мотоцикл «Юпитер-5» — сразу не загонял. Нам, детям, разрешалось на него взбираться, так что при удобном случае мы уже без спросу садились на «железного коня» — кто на сиденье, кто в коляску. Тот, кому повезло оказаться за рулём, представлял себя лихим автогонщиком и выжимал до предела ручку газа. Прежде чем загнать мотоцикл в гараж, Сергей катал ребятишек по двору. Мальчишки и девчата садились на сиденье и даже умудрялись забраться на коляску, и Сергей делал круг перед гаражом и вместе с детворой заезжал внутрь. Этой минутной поездке мы ждали с нетерпением!

Сергей жил в соседнем подъезде на первом этаже в маленькой двухкомнатной квартире. Во всём доме ванная комната была только у

Елизаровых: сделали сами. Дядя Вася, Серёгин отец, как я уже говорил, был на все руки мастер. Квартира их располагалась на первом этаже — угловая. Под квартирой — большой удобный подвал. Серёгина мама, тётя Нина, до того как выйти на пенсию, работала учителем математики. Тётя Нина подтаскивала меня по алгебре и по геометрии. Мы вместе решали задачки по этим предметам, и после школы я с учебниками спешил к Елизаровым домой.

— Принимай двоечника! — шутя при встрече кричал Сергей, подзывая тётю Нину.

— Сам, что ли, лучше учился? — ворчала та.

А я проходил в комнату, усаживался за стол, что стоял у окна.

— Всё, не приставай к ребёнку, — тётя Нина выпроваживала Сергея, чтобы нам не мешал.

Только маленькая Катюшка, Серёжкина дочка, с красивыми, как у куклы, кудряшками играла рядом. Но нам она хлопот не доставляла.

Тёте Нине эти занятия со мной были не в тягость. Даже наоборот. Будучи на законном отдыхе, она скучала по работе. Учить и разъяснять — это уже было для неё привычкой — преподавательской надобностью. И со всем этим тётя Нина справлялась отлично. Даже уроки по физике и химии мы с ней разбирали. Учитель всегда остаётся учителем. Вот и тётя Нина лёгких путей в решении задач никогда не искала: объясняла доходчиво и каждый раз проверяла, действительно ли я понял, не влетело ли у меня в одно ухо, а из другого, как говорится, тут же вылетело. Если я что-то не понимал, повторяли заново.

Тётю Нину любили в нашем дворе абсолютно все. Со всеми она дружила, всем помогала. К ней прислушивались, спрашивали совета.

Изредка тётя Нина ходила в храм на службу. К тому времени дивеевский женский монастырь потихоньку стал прихорашиваться и благоустраиваться, здания реставрировали. Ремонтные работы шли сутками напролёт. Я ещё помню вид обездоленного полуразрушенного храма с выбитыми окнами и колокольню без купола и колоколов.

Однажды тётя Нина взяла меня и сестрёнку на исповедь.

— Выпишите на листок бумаги свои грехи, даже те, за которые стыдно. Бог о них всё равно знает. От него ничего не утаишь. И просит, ежели сами признаетесь в согрешениях своих, — подсказывала добрая соседка.

С Валюшей мы так и сделали: записали свои провинности, а после, отстояв в храме очередь, прочли батюшке на ухо. Из храма мы с Валею вышли одухотворёнными и счастливыми. Помню это хорошо! Лёгкость ощущалась такая, что летать хотелось, будто выросли крылья. Всё-таки грехи, теперь это знаю точно, как огромная глыба, тянут к земле и давят. Не то что летать, ходить тяжело, а порой и дышать.

Припоминаю, как при монастыре исцеляли бесноватых. Видел это своими глазами. Зловещий крик стоял на всю округу. Женщины не своим голосом рычали, мужчины, как молодые козлята, блеяли и плакали. В страшных судорогах они тряслись. С трудом их пытались завести в храм. Кого-то удавалось. Другие катались по ступенькам у самых ворот, и никакими силами их было не сдвинуть с места. Монахини окружали бедолаг и молились. Батюшка тоже читал молитву, кропил святой водой и крестил иконой. Спустя какое-то время одержимый затихал. Наблюдать за всем этим было страшно. Кто-то ещё пустил страшилку, что если одержимый к тебе прикоснётся, то и ты таким же станешь, то есть непременно он передаст тебе тёмную силу одним лишь невзрачным касанием. Это наводило на нас, ребят, ещё больше жути.

Тётя Нина всегда угощала нищих пирогами, блинами, а то и пряниками с конфетами. Возле колокольни у самой арки ютились попрошайки — сутулые, хромые, безногие. Жара летнего денька их не пугала. На нищих круглый год было много одежды, вплоть до зимней куртки. Запомнился мне Гена Махалкин. Прозвали его так потому, что он, когда ярко светило солнце и ослепляло его глаза, начинал махать ладонью у лица. Был он высокого роста. Лицу придавали строгости рыжая борода, густые брови.

Гена вроде был и не злой, он даже казался мне каким-то артистичным: то наденет летом тулуп и шапку, то, прихрамывая, ковыляет в

старой рубаше и солнечных очках, то с палкой ходит, то без палки. Но никогда он не изменял своей привычке — махал ладонью у лица. Поговаривали, что мальчишкой Гена еле спасся, когда загорелся их дом. С тех самых пор солнечным днём у него случались такие приступы. В начале двухтысячных его убили. Ходили слухи, что за наручные часы. С кем Гена Махалкин вступил в конфликт, неведомо и по сей день.

Ещё помню Ваню Рожнова. Все его звали просто Ваней, хоть и было ему поболее пяти десятков годов. Был он, как бы это мягче сказать, немного не в себе, но силёнку имел. Если Ваню похвалить, обратиться к нему ласково, он любую работу выполнит, за семерых пахать будет. А услышит слово бранное — обидится, и ничем его уже не уговорить. Был он тоже немалого роста, ходил в брюках и в светлой рубаше, носил белую кепку. Голосок тоненький — даже не говорил, а как-то по-детски пищал.

Мальчишки-хулиганы задирали Рожнова, всячески подшучивали и дразнили. Завидят издали и давай кричать: «Ваня — капуста!» А то мяукать начнут. Ваня долго игнорирует, не обращает внимания. Затем тонким голосом начнёт браниться. Мальчишки — в смех, Ваня — за ними вдогонку.

Взрослые успокаивали Ваню, проказникам грозили кулаком. «Он ить терпит, терпит... А догонит — изувечит. И ничего ему за это не будет», — так про Ваню говорили.

В нагрудном кармане рубашки Ваня носил губную гармошку, иногда играл на ней. Ещё Ваня Рожнов ходил на все поминки — и на девятый, и на сороковой день, и на годовщину, если поминали. Поговаривали, у него была тетрадь, куда он записывал даты — куда и к кому когда идти. Ваню ждали, добродушно встречали и усаживали за стол. Считалось дурным даже, если Ваня забудет кого и не придёт помянуть. Но Ваня никого не забывал и всегда приходил.

5

Территория дивеевского монастыря давно преобразилась. Чистенько, красиво. Сады с яблонями, повсюду цветы. В доме, где ког-

да-то проживала Параскева Дивеевская, сейчас музей. В девяностые годы в этом зелёном деревянном здании выдавали детское пособие. Вход был с небольшого крылечка с противоположной от нынешнего музея стороны. В 1998 году, когда родился мой младший брат Андрей, я весь год буду ходить в это здание получать на него молоко.

А рядом был когда-то хлебный магазин, но я его плохо помню. Магазин перенесут ближе к почте. Хлеб там выкладывали на больших деревянных полках, стоял такой вкусный аромат, что начинало ныть в животе. В Дивеево была своя хлебопекарня. Купишь хлеба в магазине, а принесёшь домой буханку погрызенную. Такой хлеб у нас был хрустящий и ароматный! Надкусишь корочку с одной стороны, затем — с другой, а после и мякиш попробуешь. На свежем воздухе ещё тёплый ржаной хлебушек... Нет, невозможно устоять.

Всё там же, неподалёку от музея Параскевы Дивеевской (сейчас — территория монастыря), в маленьком деревянном здании располагалась детская библиотека, куда мы с Мишкой Бекмешовым частенько забегали зимой погреться и полистать какие-нибудь энциклопедии — что-нибудь о космосе, динозаврах, древнейших цивилизациях... Книги, которые мы брали, так и назывались «Хочу всё знать». Это была серия такая. Тогда мы действительно хотели всё обо всём на свете узнать. Мы изучали древнейшие виды млекопитающих, корабли, города, звёзды и планеты, горы и вулканы, моря и океаны, где и какие обитают животные, рыбы и насекомые... Я особенно любил книги о путешествиях, Мишка увлекался автомобилями и мотоциклами.

По-прежнему вспоминаю те далёкие зимние вечера с доброй улыбкой. Вечерело рано. Набегаясь весь день, замёрзнешь и — в библиотеку отогреть уши и нос. У самого входа в углу стоял веник. Им я и Мишка отряхивали от липкого снега ботинки и штаны, затем шли в «читательный», как мы говорили, зал, набирали гору книг и усаживались за стол. Случалось и так, что среди посетителей были только мы вдвоем. Тогда библиотекари частенько уходили из зала, оставляя нас одних. Но даже если сотрудница библиотеки присутствовала,

она за нами не следила — просто читала какую-нибудь книгу в уголке за своим столом.

В зале всегда было тихо. Иногда тишину нарушали наши с Мишкой шептания. Говорить в голос, когда на тебя со всех полок глядит такое количество книг, как-то не решались.

За окном тьма-тьмущая, снег, ветер свистит. Мы — в тёплом светлом помещении, а вокруг — целые миры, только прочти страницу! И так нам приятно было бывать там, читать интересные книги и мечтать!

А в декабре-январе в углу читального зала на столике всегда ставили маленькую нарядную ёлочку, рядом с ней — пластмассовый Дед Мороз с посохом. Книжные полки украшены мишурой и бумажными снежинками, на окнах перемигиваются гирлянды. Что еще надо для счастья? Открыть интересную книгу с красочными иллюстрациями! И вот ты в волшебном мире, где полным-полно чудес и приключений. Всегда я любил и по-прежнему обожаю это предновогоднее время, которое позволяет взрослым и малым заглянуть в настоящую зимнюю сказку.

6

С Мишкой Бекмешовым мы учились в параллельных классах. Парень он был добрый и весёлый. В классе третьем мы сильно сдружились и лет пять были вовсе не разлей вода. Мишка отлично бегал, карабкался по деревьям и классно забивал голы. А в догонялках ему и вовсе не было равных. Не догонишь! Мишка и старшеклассников оставлял с носом. Под самым правым глазом у Мишки шрам: поранился топором. Бекмешов увлекался резьбой по дереву, ходил в кружок, руководителем которого был Виталий Зосимович Луценко.

Я тоже туда записался, а после и сестрёнку подтянул, и ребят из класса. Первая работа, которую я вырезал, — попугай с пальмой. Отчего-то Виталий Зосимович на каждой картине пририсовывал пальмы — и неважно, слон ли в Африке, бурый ли косолапый медведь или домашний кот, — в дополнение к ним где-нибудь в уголке непременно красовалась пальма для прикрытия заднего фона.

Резчик Виталий Зосимович был, как принято говорить, от Бога. Из липовой доски создавал настоящие шедевры: храмы, лики святых... Из пня вырезал громадную сову. Его работы принимали участие в различных городских выставках, в том числе и в Москве. Лучшие картины своих учеников Виталий Зосимович тоже брал с собой в столицу, даже умудрялся их продавать. С его слов, одна из его работ украшала кабинет президента Б. Н. Ельцина. Но все знали, что Луценко был ещё тот шутник, так что за достоверность слов его ругаться не буду.

Нам, ребятишкам, нравились его байки. Мы с интересом слушали и посмеивались, истории звучали забавно. То Виталия Зосимовича в Тихом океане акула плавником полоснула по мягкому месту, оставив на память шрам, то его в Африке пытались съесть аборигены и он чудом умудрился обхитрить их и удрать. То его тёща напугала в лесу медведя, а сам он сажал ее на муравейник. Про тёщу он особо любил рассказывать.

В деревне Осиновка, что по соседству с Дивеево, Виталий Зосимович строил замок с полукруглыми окнами и сводчатыми потолками. Уверял нас, что когда-нибудь там откроют музей. Любил он своё дело — призвание.

В девяностые и двухтысячные годы, когда в селе нашем не было особо никаких кружков и секций, Виталий Зосимович собирал детей разного возраста и приучал их к сложному и красивому ремеслу — резьбе по дереву. Ребята и девочки учились резать пасхальные яйца, мастерить шкатулки. Они, как настоящие художники, из дерева вырезали даже картины. А после на доску аккуратно наносили малярку и лак, что придавало работам особый шоколадный цвет и блеск.

Маме очень нравились мои работы, особенно та, что с носорогом. Картина эта и сейчас украшает её комнату. Носорог бежит по джунглям, и пальмы там как раз таки уместны.

ХИТРЫЙ

1

Вблизи села Дивеево среди саровских лесов затерялся маленький хуторок Хитрый. Всего-то десятка полтора дворов и будет. Домики эти принадлежат саровчанам. Жители соседнего города обустроили это тихое уютное местечко под летние дачи. Зимой хутор пустел, а к лету вновь оживал. Саровские дачники в выходные дни покидали душный шумный город, чтобы пусть и на пару деньков соединиться с природой. До Сарова рукой подать — километров пять, напрямую — совсем ничего. Даже виднеются средь макушек деревьев крыши городских многоэтажек.

Хутор, наверное, потому и прозвали Хитрым, что, не зная, сразу его не заметишь, особенно если едешь на автомобиле, — будто в самом деле хитрюга какой.

Из села Дивеево на общественном транспорте (стареньком пазике) мы добирались до посёлка Цыгановка. По субботам и воскресеньям на Цыгановке работал рынок. Он и сейчас открыт в выходные дни, но ажиотажа такого, как в первые десятилетия постсоветского времени, уже нет: посетителей немного, да и палаток с товаром, признаться, тоже. А в девяностые годы прошлого столетия народ спешил на рынок как на какой-то аттракцион невидимой щедрости. Многие ходили просто так поглазеть — примеряли джинсы, свитера, балахоны, куртки, любовались на себя в зеркало, качали подбородком и с умным видом шли к другой палатке. Правда, продавцу, оставшемуся ни с чем, обещали: «Ещё походим и, если что, сюда вернёмся». Повсюду шел торг: продавцы изначально накидывали цену, чтоб её можно было сбить. Особенно навязчивыми и голосистыми были продавцы кавказской национальности: они расхваливали товар и сыпали комплиментами прохожим зевакам. Одни поддавались уговорам и красивым словам, другие проходили мимо.

Иногда мы так же прогуливались по рынку ради интереса. Отец с матерью присматривались, оценивали взглядом товары. Затем мы шли на хутор Хитрый. Дорога от Цыгановки ведёт к источнику Преподобного Серафима Саровского. На полпути, где дорога заворачивает вправо, с левого боку за елями и соснами виднелись крыши домов. Это и был наш дачный хуторок. Вернее, бабы-Анин и деда-Васин — Сустаевой Анны Ивановны и Сустаева Василия Дмитриевича.

Родители моего отца жили в Сарове, отпуск проводили непременно на хуторе. Баба Аня хоть и жила в городе, а душой была деревенская. Любила она природу, а еще обожала собирать ягоды, ухаживать за огородом. Маленький хуторок, притаившийся средь высоких деревьев, тешил и успокаивал душу лучше всяких черноморских курортов. Хотя в восьмидесятые годы бабушка Аня и дед Василий несколько лет прожили в Крыму.

— Чем не благодать? — улыбалась баба Аня и каждый раз нахваливала воздух, который действительно пьянил своей чистотой.

(Смесь хвои и раскалённого на солнце песка — и по сей день этот лесной аромат кружит мне голову.)

— Сердце не нарадуется красотой здешней, — соглашалась мама.

(Моя мама, как и баба Аня, тоже была огородницей. Могла часами проводить на грядках.)

Баба Аня, срывая в огороде клубнику, хвасталась:

— Разве не прелесть? Поглядите какая!..

Клубника в самом деле была крупная, спелая и сама просилась в рот. От дороги огород закрывали молодой березняк и вековые сосны. Помимо клубники, на участке баба Аня выращивала укроп, петрушку, редиску, лук, смородину, малину, морковь, капусту, в парниках — огурцы и помидоры. Зелени на столе всегда было навалом.

Бабушкин двор был самый крайний. Кровля дома, железная красная, весело играла на солнце в ясный погожий день. Серая изба с крылечком, яркая крыша — не дом, а красавец-гриб.

2

До девяносто восьмого года в избе на Хитром жила баба Катя — матушка бабы Ани. Было ей много больше восьмидесяти лет. Баба Катя всю жизнь прожила крестьянским трудом и была неграмотной — ни читать, ни писать не умела. С возрастом почти оглохла, приходилось громко разговаривать и даже кричать, чтобы она что-то разобрала. Под зиму бабу Катю забирали в город, а весной, как потеплеет, привозили обратно.

В молодые годы потрёпанная тяжкой работой, в старости бабушка Катя с трудом передвигалась. Почти всегда сидела она на кровати либо на крыльце. Худая, сухая, на тощих руках — грубые жилистые вены. Носила она платок и кофту, ходила, опираясь на длинную палку.

Однажды баба Катя зимовала у нас в Дивеево. Её тогда возили в храм, оставили до выходных, но прожила баба Катя у нас больше месяца. Кушала она деревянной расписной ложкой, зубов почти не имела (виднелись лишь пара нижних), но ими много не нажущёшь. Кормили её кашей, в основном — пшённой и гречневой, мяли в молоке картошку. Баба Катя была беспомощной и силёнок имела не больше чем у воробушка. Передвигалась по квартире редко, всё смотрела телевизор или молча наблюдала, как мы с сестрёнкой учим уроки. Жила она в нашей комнате. Поначалу мы с Валюшей пытались всячески её разговорить и даже завести игру. Сестрёнка клала в её старческие ладони куклы, я же хвастался машинками и солдатиками. Наперебой лепетали детские истории и читали книги. Баба Катя плохо нас понимала. Мы забывались и не всегда говорили громко. Но баба Катя всё равно нас внимательно слушала. Я проказничал. Шевелил губами, но слов не произносил. Баба Катя кивала и со всем соглашалась.

Сестрёнка меня стыдила:

— Вот будешь стареньким — оглохнешь. Поглядишь тогда, каково это!

Я ерепенился, уверял, что даже с сединой буду так же лазить по деревьям, играть в солдатки и гонять мяч.

— Хвастунишка, — улыбалась мне сестрёнка. Интерес наш со временем угасал, и мы уже

не так доставали бабушку играми и беседами. Это всегда так. Придут гости, и хочется, чтобы задержались они подольше, поиграли, послушали нас. Гости всегда привлекали своей новизной, даже такие молчаливые, как бабушка Катя.

Бывала зимой у нас дома ещё одна гостья. Расскажу о ней, хоть не хуторская. Когда свирепствовал лютый мороз, мама заносила в квартиру озябшую курицу-одиночку, что по какой-то причине отбилась от коллектива. Куры в сарае группировались плотнее друг к дружке, и обморожение им было не так страшно, ежели изгнаннице. Лапы и гребень в мороз самые уязвимые. Курица поочерёдно стоит на одной ноге, а другую прижимает к телу, так же и гребень прикрывает крылом. Ту одиночку дома сажали в коробку, натирали гребень её маслом, подсыпали зёрен. Завидев новую гостью, мы с сестрой спешили в прихожую. Мама прогоняла нас, просила не пугать и без того перепуганную птицу. Но мы с Валею всё равно украдкой пытались её погладить и покормить с ладони хлебом. В сарае и во дворе не обращаешь как-то на этих дурёх внимание, а тут... Зимой в квартире пернатая сразу вызывала интерес. Курица настораживалась, поджимала голову, затем отогревалась, мало-мальски к нам привыкала и принимала угощение. Днём, когда мороз стихал, мама относил её обратно в сарай.

3

Случалось, всей семьёй мы оставались на Хитром с ночёвкой. Нам стелили ночлег на сушилах. Баба Аня скотину никакую не держала, но сушила с душистым мягким сеном в хозяйстве её имелись. На сено для нас стелились простыни, клались подушки. Летние ночи тёплые — спали с открытой дверцей. Ночное звёздное небо убаюкивало нас. Приятно было погружаться в сон, любясь месяцем и маленькими огоньками. Тело с непривычки колется сухой травой, рядом спят мама, папа, сестрёнка, а за дверцей — ночная жизнь. Кто-то поблизости стрекочет, крикает, квакает и даже угукает. И запах сена! Дышать не надышаться.

Иногда разделить с нами ночлег на сушила взбирался Димка — отца младший брат. Димка был меня постарше на каких-то четыре месяца. Чтобы не разбудить родных, мы перебирались с ним в дальний угол и полночи рассказывали друг другу страшилки. И как хорошо, что рядом отдыхали родители и мы в этом тёмном деревянном помещении не одни! Можно было друг перед дружкой похрабриться — ничего, мол, и никого мы не боимся. Оставь, правда, нас тогда одних ночью — и от храбрости нашей не осталось бы и намёка. Хотя порой мы так пугались тех наших рассказов, что не могли сомкнуть глаз. Рядом лес, слышно, как пролетают совы...

Димка на правах хозяина на сушила частый гость, и потому, придумывая страшилки, он всегда имел в запасе несколько козырей — знал он местные байки.

— ...Помнишь колодец у дороги? — спрашивает меня Димка.

— Ну! — отвечаю.

— Там они на самом дне лежат. — От Димкиного шёпота крадутся по моей спине мурашки.

— Кто?.. Кикимора? — спрашиваю.

Когда мы были помладше, взрослые страшали нас тем, что в колодце живёт лесная Кикимора и, если к нему приблизиться, та непременно схватит и уволочёт на дно, и никто нас никогда не найдёт. Взрослые нарочно пугали, чтоб не совали в то место любопытные носы и не случилось какой беды. Колодец от старости почти был вровень с землёй и не пригоден для пользования по назначению. Тогда мы, дети, верили, что в колодце живёт Кикимора, и, нарушая запреты, украдкой подкрадывались к нему, поднимали крышку и бросали на дно камни — дразнили Кикимору, желая её разозлить, и нам даже казалось, что мы слышали со дна её ворчание.

— Ко-ости... челове-ческие, — растягивает Димка слова.

— Да ну! — я ушам не верю.

— Баранки гну, — передразнивает Димка. — На дне колодца припрятаны. Лежат в рядочек. Я, затаив дыхание, слушаю.

— Здесь... в лесу... оборотень объявился. Знаешь, какие клыки у него и когти?.. Это тебе не шуточки, — рассказывает мне Димка.

— Оборотень?! — сердце моё замирает.

— Сергей его видел, когда по грибы ходил. Говорит, еле ноги унёс.

— Дядя Серёжа? — уточняю я.

— Не веришь — иди спроси, — настаивает Димка, а сам знает, что ни у кого в ту самую минуту я не спрошу.

— Папка говорит: оборотней не существует, — пытаюсь я сам себя успокоить.

Димка настырный, тут же доказывает обратное:

— Нашёл кого слушать! Женька сроду ничего не знает! А как пересекутся дороги — только пятки засверкают! — посмеивается Димка над старшим братом. — Знаешь, сколько грибников пропало в лесу!.. А косточки их в нашем колодце припрятаны.

Димка, дядька мой, замечает мой страх и с упованием продолжает пугать дальше. Мол, в полнолуние из лесу доносится душераздирающий вой. На Хитрый опускается ночной зловещий туман, и тогда оборотень выходит на охоту.

— Зря дверцу не закрыли, — шепчет Димка, поглядывая в сторону входа на сушила.

Я делаю вид, что уже сплю. Димка не унимается: его этим трюком не проведёшь. Он продолжает и дальше шептать в самое ухо свои выдумки. Что видел волчьи следы под окнами дома и у гаража. И что оборотню забраться на сушила — раз плюнуть. И вообще... Оказывается, что оборотень не кто иной, как их сосед по даче. Днём он приветливый, улыбается и здоровается, а ночью... пробирается в лес и творит свои тёмные дела.

Со двора доносится шум. Это Тузик проголодался и теперь мордой тербит миску, слизывая остатки пищи. Тузик — дедушкин и бабушкин пёс. Маленький, как свернётся калачиком — так размером с коврик. Днём от жары он обычно прятался под крыльцом и постоянно носил на себе репы.

На шум Димка тут же замолк. Я открыл глаза. Оба, наострив уши, мы с тревогой принялись разглядывать дверной проём. И ведь знали, что шумит пёс! Но после рассказанного и услышанного всё нам казалось теперь иным. Детская фантазия разыгралась. А у страха, как известно, глаза велики. Всё что угодно приви-

дится! Вот и нам представлялось, что по двору шастает сосед в волчьем облике. Сами себя напугали. Чтоб развеять хоть немного обстановку, решили рассказывать анекдоты. Да только анекдот имеет одну странную особенность: в нужный момент не вспомнишь. Вроде бы и много знаешь, да припомнить не удаётся.

А Тузик на дворе всё не унимался — ворочал миску и ворочал. И если бы не Димкины выдумки, не обратили бы на те звуки внимания. Постарался Димка на славу.

Утро встречало нас лёгкой прохладой. Мы спускались вниз с суши, потирая глаза, шли к ручейнику, умывались утренней прохладной водицей и заходили в избу завтракать.

Дядя Серёжа к тому времени уже развесил во дворе рыбу. С утра пораньше, когда все ещё спали, Сергей, ещё один сын бабы Ани, брал приготовленные с вечера удочки и шёл на речку Сатис, которая тянулась вдоль Хитрого от Сарова.

После завтрака дядя Серёжа брал нас, детей, с собой купаться, но плавать мы ещё не умели. Сергей заходил в реку, окунался. Затем по очереди, посадив нас к себе на плечи, каждого переносил к другому берегу на мелководье. Когда опускал в воду, мы поджимали ноги. Вода казалась с непривычки холодной, но тело быстро привыкало, и вылезать на берег мы уже не спешили.

— Ну всё, хватит. Погрейтесь немножко, — велела с берега мама, высматривая меня, Валюшку, Димку. — Вон губы синие уже!

Мы не слушались — ныряли под воду, даже не посмотрев в мамину сторону. Я открывал под водой глаза: она была чистая, можно было хорошо разглядеть дно. Там, где мы купались, белыми полосами играл на солнце песок. У мостика со дна виднелись камушки, проплывали стайкой маленькие рыбки.

— Эй, ихтиандры! — кричал Сергей, затем брал нас на руки и нёс к берегу. — Маму надо слушаться.

Пройдёт время — наш Димка, худущий, светло-русый, станет стричься наголо. Дед Вася рано обучит сына вождению: в четырнадцать лет Димка уверенно станет ездить на «копейке» на Цыгановку за продуктами. В Сарове Димка увлечется картингом и запишется в

спортивный клуб, будет гонять на маленьких гоночных автомобилях. К шестнадцати годам Димка научится разбирать и собирать двигатели. Отец мой будет обращаться к нему за помощью, если на нашей машине забарахлит движок. Димка станет участвовать в областных соревнованиях, съездит в другие города и займет первые места. Баба Аня не без гордости станет показывать всем газету «Саров», где упомянуто, что первое место занял ученик такой-то школы — Сустаев Дмитрий. Вот таким вырастет он, наш Димка с хутора Хитрого.

4

Расскажу и про дядю Серёжу, который старше меня на одиннадцать лет. В то время, когда бывали мы на Хитром, он, ещё мальчишка, разговаривал с нами по-свойски, без нравоучений. Был для нас вроде старшего приятеля и многое нам разрешал втайне от взрослых.

Сергей окончил школу на четвёрки и пятёрки, поступил в Арзамасский педагогический институт на кафедру русского языка и литературы. Баба Аня им очень гордилась, часто в разговоре упоминала и нахваливала. Сергей, и правда, был бравый малый. Активный, умный, воспитанный, он нравился девушкам. Читал книги, знал наизусть множество стихов и сам, как поговаривал, в юные годы пробовал писать стихи. В душе был романтиком. И жизнь его сложилась бы удачно, всё потихонечку, полегонечку шло бы своим чередом, складывалось, располагалось бы как надо. Но судьба-злодейка разложила карты для Сергея по-своему. Всё перевернула одна злополучная ночь, когда Сергей провожал девушку до дома. В Арзамасе на перекрёстке их сбила машина. Водитель скрылся с места преступления, не был пойман и не понёс никакого наказания. Жизнь Сергея в корень поменялась в ту роковую минуту. У девушки была серьёзно повреждена рука. У Сергея — таз и нога. Врачи с медсёстрами поведали нам, что после наркоза Сергей не бредил, как многие, а запевал басом молитву, как батюшки в церкви, хоть, я уверен, и не знал он прежде ни одной молитвы. Впереди предстояли Сергею не одна

операция и долгое лечение, так что в институт Сергей не вернулся.

Как только Сергей Лукин пошёл на поправку, втайне ото всех подался в Санаксарский мужской монастырь. Отпустил там бороду, жил с братьями в келье, трудился во благо Господа и молился Ему же, даже собирался принять священный сан. Года три так было, а затем что-то надломилось в душе Сергея и затмило ему разум. Он покинул стены монастыря, вернулся в Саров к родителям и пристрастился к вину. Случалось, уходил из дома и пропадал месяцами где-то, скитался. Затем так же внезапно объявлялся, приводил себя в порядок и старался жить эту жизнь правильно. Когда не пил, выглядел опрятно: ходил в пиджаке, в грудном кармане — платок, носил очки и всегда был гладко выбрит. Сергей мечтал написать книгу и иногда делился с нами, родными, сюжетом будущего романа. Но так и не приступил к его написанию. В тридцать шесть лет Сергей в очередной раз покинет ранней весной дом и объявится только поздней осенью... с обморожением ног. Обе ступни ампутируют. Последние пять лет дядя Серёжа проживёт в инвалидной коляске. Всё это время мы общались по телефону. Он часто звонил нам в Дивеево выпивши. Говорил много, искренне был рад тому, что его слушают. Скучал он по Хитрому, вспоминал рыбалку и прогулки на родник.

5

Источник Серафима Саровского, о котором часто вспоминал Сергей, был неподалёку от Хитрого. Если по дороге — минут двадцать ходьбы от хутора.

Так сложилось, что часто за водой мы ходили в другое место, тропа вела вдоль речки Сатис, где Сергей удил рыбу, — чуть уходили в сторону. Справа виднелась гора доломитового щебня. Затем снова сворачивали к реке. Природа завораживала своей красотой — так и виделось всё в округе иллюстрацией к сказке. Речка, над которой, словно заколдованные, склонились плакучие ивы, укрывая берег своей тенью. Другой же берег, по которому мы шли, освещался солнцем и был украшен луго-

выми цветами. И тишина. Кажется, что это вовсе и не бабочки порхали над ними, а волшебные феи. Вот-вот из-за деревьев покажется единорог, выйдут к реке бородатые гномы — хозяева этих мест...

У пригорка бил родник. Мы наполняли канистры и трёхлитровые банки водой, умывались, пили с ладоней живую студёную воду. На пригорке стоял большой деревянный крест. Напротив — река. В этом месте она шире, сворачивает и уходит в сторону источника Серафима Саровского. Вода в реке была чистая, на дне видны камушки. И казалось, что где-то там припрятан сундук, набитый сокровищами.

Мы заходили по колено в ледяную воду и любовались здешним великолепием, а деревья так усердно пытались спрятать это тихое место от любопытных людских глаз.

Баба Аня очень любила эти места, обожала гулять по лесу, собирать грибы и ягоды. Помню, как ходили в лес за земляникой, усердно наполняли бидоны этими спелыми красными бусинками. Дело, конечно, нудное: малюсенькая уж больно ягода эта. Но вкусная!.. После устраивали пикник. Находили удобное место, расстилали скатерть, вынимали из корзины продукты и за лёгкой трапезой наслаждались красотой леса. Совсем иная здесь атмосфера. Так и кажется, что вернулся ты на несколько веков назад. Нет шумных многолюдных городов, нет скоростных автомобилей, магазинов без счёта и всякой электроники... Ничего нет. А есть совсем другая жизнь — тихая, спокойная, без нервотрёпки и суеты, и не менее важная. Предки наши сто и двести лет тому назад так же ходили в этот лес и питались его дарами. Лес покамест не поработился человеческому прогрессу и, как занавес, делит этот мир на прошлое и будущее.

6

Придя в те места с нами, баба Аня обычно усаживала Валюшу рядом с собой, поправляла ей платок, угощала сладостями. Анна Ивановна, воспитав троих сыновей, мечтала о дочке, потому внучку баловала и любила особенно. Заплетала косы, привозила из города

кукол, на Хитром даже смастерили для Валюши качели. И ежели мы с Димкой всюду ходили вдвоём, то сестрёнка часто проводила время с бабушкой и мамой. Иногда, правда, в гости к нам заглядывала с соседнего участка девочка Женя с веснушками у носа. Она напоминала мне Пеппи Длинныйчулок. Валюша с Женей затевали какую-нибудь игру. Мы с Димкой прятались за углом гаража и ждали подходящего момента. Стоило девчонкам отвлекаться, как мы тут же прятали их кукол. Девчата дивились пропаже и грешили на Тузика. Мы с Димкой закатывались смехом. Догадываясь, что бедный пёс ни при чём, девочки вступали с нами в перебранку.

— Тётя Валя всех повалит, перевалит, вывалит! — кричал Димка.

— Тётя Женя всех поженит, переженит, выженит! — подхватывал я.

Сестрёнка с подругой ябедничали на нас взрослым.

7

На Хитром было два гаража. В тот, что поменьше, дед Вася ставил «Жигули». Другой предназначался под летнюю кухню, теплыми вечерами там накрывали стол. Приходили в гости соседи. Баба Аня всегда всех собирала у себя. Дед Вася доставал гармонь. После стопки-другой запевали песни: «Зачем, зачем на белом свете есть безответная любовь?..», «Вот кто-то с горочки спустился — наверно, милый мой идёт...», «Расцвела у окошка белоснежная вишня, из-за тучки далёкой показалась луна...»

Я сидел за столом, ел тушёную капусту (такой капусты, как тушила баба Аня, я не пробовал больше нигде!) и слушал душевные напевы. И сейчас, если где услышу под гармонь старую добрую песню, в памяти невольно пролистываются картинки из детства, вспоминается Хитрый.

Бабы Ани не станет в 2010 году. Через три года уйдёт и дед Вася. А ещё через пару лет, в 2015-м, трагически оборвётся жизнь моего отца и дяди Серёжи.

Когда я приезжаю на источник Серафима Саровского искупаться, набрать воды, иног-

да на обратном пути заглядываю на Хитрый. Одинокий дом по-сиротски встречает меня поникшим взглядом. Димка, хозяин избы, по-прежнему живёт в Сарове и бывает здесь нечасто. Покосившийся старый забор, калитка, крыльцо, под которым любил отдыхать Тузик, огород, где полола грядки бабушка Аня, гараж, из которого по-прежнему, если прислушаться, играет гармонь, льётся песня и звучит смех... Грустно. Будто киноленту проматываю назад. Перед глазами так и маячат живые картинки.

Есть у поэта Геннадия Шпаликова стихотворение... Оно и станет завершением этой истории о хуторе Хитром.

*По несчастью или к счастью,
Истина проста:
Никогда не возвращайся
В прежние места.
Даже если пепелище
Выглядит вполне,
Не найти того, что ищем,
Ни тебе, ни мне.
Путешествие в обратно
Я бы запретил,
Я прошу тебя, как брата,
Душу не мутит.
А не то рвану по следу —
Кто меня вернёт?
И на валенках уеду
В сорок пятый год.
В сорок пятом угадаю,
Там, где — божье мой! —
Будет мама молодая
И отец живой.*

ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ

Моя бабушка Зоя знала немало историй. Как и многие её сверстницы, жизненный путь она прошла нелегко. Родилась в огненные годы Великой Отечественной войны, рано осиротела, воспитывалась тёткой. С ранних лет она трудилась и всю жизнь была в работе. Не сказать, чтобы она не любила рассказывать о своей жизни. Рассказывала. И интересно рассказывала. Но, прежде чем вывести бабушку Зою на разговор, нужно было ни много ни мало донять её расспросами: сама, если не спрашивать, воротить прошлое лишний раз не стала бы.

Многие годы бабушка работала поваром. Любила и, главное, умела готовить. Какие она варила супы! А какие фрикадельки мастерил и котлеты! А плов какой!.. Бабушкину кулинарию нахваливали все. Папка мой, потирая рыжие усы, приговаривал: «Борщ у мамы отменный», — и просил добавки.

Я же нередко приставал к бабушке с расспросами, именно когда она занималась готовкой. Бабушка лепит пельмени или же месит тесто для пирогов, а я уже тут как тут. Сколько себя помню, я рос любознательным мальчишкой. Всё обо всём мне непременно нужно было знать, лишний раз послушать байки старших всегда за радость.

— Расскажи, как ты железную дорогу строила, — прошу я бабушку.

— Разве я её строила? — улыбается она в ответ.

— Ещё бы, сама же говорила! И мама говорила, — не унимался я.

— Так, — скромно отвечает баба Зоя, — принимала участие.

А принимала бабушка участие в строительстве железнодорожной линии Абакан — Тайшет. Совсем юной девчонкой, оставив родное село, подалась в далёкие суровые края благоустроить великую нашу страну.

— А ты, бабушка, Байкал видела? — спрашиваю.

Бабушка Зоя кивает:

— Широкий.

Меня всегда, даже будучи мальцом, манило и влекло путешествие. Как оно там, в заморских краях да в тридевятом царстве? Ежели серьёзно, мне было интересно всё: как живут люди в городах и в других областях, регионах, какие животные водятся там, какие растения растут? Я любил разглядывать атлас, на страницах которого было указано, какие именно животные обитают в той или иной местности: где водятся зубры, бурые и белые медведи, лоси, змеи и даже верблюды и тигры, где растут папоротники, а где — настоящие пальмы. Какая же всё-таки у нас большая, интересная и богатая страна. Мальчишкой я не раз твердил самому себе, что, когда подрасту, непременно отправлюсь в кругосветное путешествие. Возьму с собой этот самый атлас и буду кружочками обводить те места, в которых доведётся мне побывать. На теплоходах пройду по разным рекам, увижу водопады, перейду пустыню и покорю горы. И ещё искупаюсь в самом большом озере в мире. Обязательно!..

— ...Купалась в Байкале? — спрашиваю я бабушку.

— Откуда? — отвечает та. — Проезжали мимо. Из окна поезда любовались.

— Так неинтересно, — говорю ей.

— Вот подрастёшь — съездишь и искупаешься, — и опять мне улыбается баба Зоя.

Спрашиваю, кто ещё из дивеевских ребят и девчат работал с ней.

— Никого. Одна была, — говорит.

— Зачем же поехала одна?

Бабушка шутит:

— Такой вот из меня вышел отважный комсомолец. Сама попросилась — на самую передовую точку. И что! Сунули в бригаду и отправили... лес валить. Посмотрел на меня бригадир, на маленькую, худенькую, почесал затылок, поохал, повздыхал и назначил поваром.

— Готовить ты умеешь, я знаю, — говорю ей.

— Ага. Эт я счас готовить мастерица. А тогда... да на костре... Какой из меня повар был?.. То переваришь, то сухое подашь.

— Ругались на тебя? — спрашиваю.

— Никто слова не сказал, — ответила честно

бабушка. — Бригадир у нас был хороший. Пожилой. Раньше всех он просыпался и позже всех ложился. Мороз стоял трескучий. На два метра, бывало, закапывали еду — всё равно промерзала насквозь. Ребята возьмут хлеб, топором на кусочки порубят и в чай, как сухари, макают. Жили кто в палатках, кто в шалашах. Спали в одежде. Фуфайку, шапку, валенки не снимали. Утром высуну нос из-под одеяла, гляжу, а бригадир уже у костра сидит. Надо и самой выползть из лежанки, кашу ставить. А неохота. Так с горем пополам мало-мальски готовить научилась. А после и сама уже с мужиками лес валила. Дерево повалишь, распилишь — и в сторону.

— А с пнями — что? — всё любопытно мне.

— Выкорчёвывали. Но этим другая бригада занималась — та, что следом шла. Бригадир, помню, каждый раз приговаривал: «Ещё немного осталось до Абакана дойти. Мы на поезде проедем! Мы же строили».

— А тигров!.. — вспомнил я. — Тигров, бабушка, видела? В тайге же тигры живут.

— В тайге много кто живёт! — улыбается она. — Да не каждый осмелится свой нос показать человеку. Много бригад трудилось. Днём и ночью топорами стучали. Костры жгли. Вся живность нас за десять вёрст стороной обходила.

— А рельсы таскала?

— Какие рельсы? — бабушка уже смеётся. — Раз мы впереди идём — лес прорубаем. Мы дорогу готовили, чтобы рельсы прокладывали за нами. Наша бригада только навалит лес — остальные подчищают.

— Летом, поди, лучше работалось? — спрашиваю.

— Чай не зимой. В стужу эдакую... А летом зато комарья!.. — бабушка жёстко пальцами размер. — Я таких большущих в жизни не видала.

— И как от них спасались? — Всегда я недолюбливал этих маленьких надоедливых кровопийцев.

— А никак не спасались. Разве в лесу от них скроешься? — говорит бабушка. — Смирились со временем. Привыкли... А какой сок берёзовый в тайге! Нигде такой больше не пробовала! — и дальше вспоминает: — Соберёмся мы вечером бригадой у костра, картошку пе-

чём. Ребята на гитаре играют, истории всякие рассказываем. За день умаялись, а спать не ложимся. Бригадир — нам: «Идите отдыхать. Спозаранку всех подниму». А мы молодые, и поговорить хочется, и песни попеть. За нами уже посёлки образовались небольшие. Са-ранча — называли так. Двадцать пять километров в субботу идём туда за продуктами. Ребята — мне: может, не пойдёшь, далеко всё-таки. Да разве я останусь!.. — бабушка вновь улыбается, приятно ей вспомнить давно ушедшую юность. — Наберём в магазине крупы, хлеба, сухого молока, консервов и — обратно. Ребята ещё папирос возьмут. Мне эти консервы за два года, сколько трудилась в тайге, на всю жизнь запомнились. До сих пор на них смотреть не могу.

А ещё бабушка работала в городе Нижний Тагил, даже брала с собой маленького Генку. Дядю Гену — так мы с сестрёнкой его всегда величали, когда были малышами. Бабушка в ранние годы осиротела. И её вместе с братом Юрой воспитала тётка по матери — Вавилова Марья Ивановна. У Марьи Ивановны были сын Иван и внук Генка. Бабушка Зоя, уже будучи девушкой, нянчилась и повсюду брала с собой двоюродного племянника. Даже в командировку с ним ездила и показывала ему Сибирь.

Генка Вавилов подрастёт — уйдёт в армию и будет нести службу в столице нашей Родины — городе-герое Москве. Там и останется, получит квартиру, женится. Когда дядя Гена на автомобиле «Москвич-2141» приезжал с семьёй на малую родину к матери, в гости сбегалась вся родня. Мы тоже приходили. Вавилова Елизавета Михайловна, дяди-Генина мама, поправляла платок (она всегда ходила в платке), замешивала тесто, пекла пироги и жарила блины. Обязательно шли на кладбище. Навещали могилы родных.

Иногда у нас оставалась ночевать Анжелка, дяди-Генина дочка, сестрёнки моей ровесница. С Анжелкой я постоянно ругался. На дню бранились по несколько раз и тут же мирились. И всё-таки я любил, когда они приезжали в гости и Анжелка оставалась у нас ночевать. Иной раз мы с Валюшей сами упрашивали дядю Гену, чтоб позволил ей остаться.

— Поборешь меня на руках — так и быть, оставлю, — говорил мне дядя Гена.

— Соглашайся, — подначивала Анжелка.

Мы боролись на руках. Победить дядю Гену было не так просто. Я старался изо всех сил: не получалось. Но и меня дядя Гена не борол тоже — была как бы ничья. Затем дядя Гена боролся с моей сестрёнкой и проигрывал ей, я знал, что он поддаётся.

— А ты чего?.. Не можешь? — дразнила меня Анжелка.

— Сама попробуй, — сердился я в ответ.

Анжелка пыталась побороть отца, но и ей не удавалось это сделать. Тогда мы с Анжелкой вдвоём брались за дяди-Генину ладонь и из последних сил наконец-то одерживали победу.

— Так и поступайте всегда, — хвалил нас дядя Гена. — А то ругаетесь по делу и без дела. А если вместе друг за дружку — и никто вам не страшен.

— Мы и не ругаемся, — обнимались мы с Анжелкой.

Укладывались каждый раз поздно, и всё равно сразу было не уснуть. Родители с дядей Геной пили на кухне чай, беседовали. Мы в спальне, лёжа в кроватях, тоже вели разговор шёпотом. Обязательно нужно было рассказать какую-нибудь страшилку.

— ...В одном тёмном-тёмном городе стоит тёмный-тёмный дом. В этом тёмном-тёмном доме есть тёмная-тёмная дверь... — я пугающе растягиваю слова.

— Совсем не страшно, — дразнится Анжелка.

— Я такие истории ещё с детского сада знаю.

Пытаюсь что-то придумать своё: очень мне хочется эту хвастливую девчонку запугать до икоты. Сочинять-то на ходу я любил.

Анжелка смеётся.

— Чего ты? — спрашиваю.

— Это, по-твоему, страшилка? — шепчет она. — А я думала, комедия. Ни капельки не страшно.

— Тогда сама Расскажи, — я начинаю сердиться.

Анжелка пересказывает мне о каком-то фильме. Я нарочно перебиваю, тоже смеюсь невпопад. Снова вступаем с ней в перебранку. С кухни доносятся шаги. В комнату входит мама. Делаем вид, что спим.

А когда я учился в первом классе и в моей жизни случились первые зимние каникулы, дядя Гена уговорил родителей приехать погостить к нему в Москву. Когда мама согласилась, нашей с Валюшей радости не было предела. Что для сельского ребёнка увидеть город, и не просто город, а столицу? Восторг и мечта! И в самом начале января 1993 года мы все вместе отправились в Москву. В поезде я, сестрёнка и Анжелка взбирались на верхнюю полку и оттуда шпионили за другими пассажирами. Кто-то отгадывал кроссворды, кто-то трапезничал, кто-то глядел в окно, в котором мелькали заснеженные деревья.

Помню, как гуляли мы по Красной площади, ходили в зоопарк. В террариуме запомнились большие зубастые аллигаторы и толстые питоны. Белые медведи за решёткой. А вот полосатого тигра не было: пустовал вольер. Нам так хотелось его увидеть! Помню, как ели сладкую вату и леденцы на палочке. А ещё как я боялся приблизиться к двугорбому верблюду: мне казалось, что он в меня непременно плюнет. Помню, как катались на трамваях и ездили на такси по ночной новогодней Москве. Столица, как рождественская ель, вся сияла огнями. Повсюду рекламные щиты, витрины магазинов переливаются, фонари. А в магазине игрушек мы гуляли долго, как по музею. Каких только игрушек не было! Солдатики и куклы в человеческий рост, паровозы и машины, лодки и самолёты, игрушечные кукольные домики. Не магазин, а сказка! И хоть мы ничего не покупали, походить по такому игрушечному волшебному царству — уже праздник. И я искренне жалел, что такого магазина нет у нас в Дивеево. Уж я бы точно в него заходил каждый день и не по одному разу.

А ещё мне запомнилось, как дядя Гена заказывал по телефону для нас мультфильмы. Он спрашивал, что именно мы желаем посмотреть, а после куда-то звонил и по телевизору, как по взмаху волшебной палочки, показывали те самые мультики.

Когда я бывал в гостях у бабы Лизы, дяди-Гениной мамы, на стене у зеркала разглядывал фото её сына. На одной из карточек он

был в военной форме. Мне очень нравилась эта фотография. А ещё над кроватью висел ковёр, на котором красовалась во весь стан семиструнная гитара. Помню, как рассматривал её и осторожно касался пальцем струн. Как же мне тогда хотелось, чтобы и у меня была такая же гитара, настоящая! Я упрашивал маму купить.

— Подрастёшь — купим, — отвечала мне мама. — А пока... ведь не будешь учиться играть. Побалуешься день-другой и забросишь.

— Буду учиться, — не сдавался я.

Гитару купить согласилась бабушка Зоя с пенсии. Про бабушкину пенсию нужно поведать отдельно.

Мы с Валюшей знали, когда именно к бабушке приходит почтальон. И когда этот день приближался, мы его трепетно ждали. Бабушка брала нас с собой в магазин, и мы выбирали себе сладости. Это уже была традиция. Потом посещали кулинарию. Так местные жители прозвали кафе, где когда-то была обычная пивнушка. В кулинарии работала наша соседка Сорокина Нина. Мы с сестрёнкой выбирали себе пирожные. Я очень любил эклеры, а ещё покупали сырые семечки, дома мы жарили их на сковороде и посыпали солью. Рядом с кулинарией стояла бочка с квасом. На втором этаже располагался ресторан. А по правую сторону всё в этом же здании был универмаг, где продавались велосипеды, хоккейные коньки, клюшки и прочие спортивные товары. Там же были и шестиструнные гитары с нейлоновыми струнами.

— Останется память обо мне, — сказала бабушка Зоя, когда мы шли с ее пенсии покупать гитару.

В день покупки я не мог налюбоваться подарком. Брал гитару в руки, аккуратно водил пальцем по струнам, и мне очень нравился её ненастроенный звук. С гитарой выходил я во двор, вопреки маминым запретам, усаживался на лавку и опять водил пальцем по струнам. Гитара звучала, а я восхищался. Так хотелось мне всем и каждому похвастаться!

— Да ты никак артист, — подтрунивал надо мной соседский старик Василий.

— А то, — важно отвечал я ему.

— А ну сыграй что-нибудь, — просил сосед.

Я водил пальцами по струнам и на полном серьёзе что-то напевал.

— Молодец, — хвалил меня дядя Вася.

Я гордился собой ещё больше.

— А эту знаешь? — и дядя Вася называл песню.

— Пожалуйста, — я всё так же водил пальцами по струнам.

— Что-то у тебя, парень, как погляжу, на любую песню один и тот же мотив, — по-доброму улыбался старик. — А чегось аккорды не зажимаешь?

— Я и без них могу, — отвечал я.

— Батюшки! Никак передо мной вундеркинд сидит! — дядя Вася тихонько посмеивался.

И как бы я в ту минуту ни сердчал на старика, а аккорды выучить всё же пришлось. В нашем доме на втором этаже жил Андрей Варнавин. Он был постарше меня годков на восемь. Худой и жилистый, весёлый и порой задиристый парень. На гитаре играл так, что струны рвались. Играть Варнавин умел, знал в этом толк. И голос у него был красивый, Андрея нередко приглашали выступить в Доме культуры. Тот иногда выступал со своим товарищем Владимиром Ермаковым, который тоже чудесно играл на гитаре и так же красиво пел — заслушаешься.

Ермаков жил в одном доме с моим одноклассником и другом детства Женькой Царьковым. С Женькой мы иногда заводили серьёзный спор: кто лучше играет на гитаре и поёт — Варнавин или Ермаков? Я утверждал, что мой сосед Варнавин, Женька доказывал, что Ермаков — каждый хвастался своим соседом.

Сейчас с Владимиром Ермаковым мы работаем вместе на одном предприятии, в одной смене. А Варнавин... Летом 2013 года тело Андрея найдут в Ардатовском районе, где-то в посадке. Много будет ходить домыслов о его гибели... Он был действительно весёлый малый, мне искренне его жаль.

*Давай поспорим,
Что река станет морем...
И станешь со мной
Танцевать под луной.
А когда будем в ссоре,
Снова поспорим...*

Любил исполнять эту песню Варнавин. С горбинкой от множества переломов нос его глядел в сторону, с губ лилась задористо песня, пальцы умеючи плясали по струнам. В секунднй перерыв между куплетом и припевом Андрей лихо стучал ладонью по корпусу гитары. Теперь каждый раз, когда я слышу эту песню, всегда вспоминаю Варнавина.

Андрею я носил настраивать свою гитару. Он обучил меня нескольким аккордам и показал, как правильно играть боем и перебором. Дома я старался правильно поставить аккорд: зажимал струны так, что через несколько минут пальцы начинали ныть, пока со временем не появились мозоли. От моего боя гитара быстро расстраивалась, и я шёл к Варнавину. Тот настраивал гитару, исполнял две-три песни и отдавал мне инструмент обратно. «Учись, — говорил мне Андрей. — И, если что, заходи, не стесняйся».

Как и все дети, мы с сестрёнкой любили напраказничать, набедокурить. Валюша с радостью со мной хулиганила, а когда осознавала, что маминой ругани не избежать, бежала на меня ябедничать. Каждый раз накатывала обида — я обижался на сестру, сердился и даже ругался. «А зачем ты её плохому учишь? Ты мальчик. Ты постарше. Должен сестрёнку оберегать, а не учить не знай чему, — стыдила меня мама. — Не дуйся. На меня эти уловки не действуют».

Каждый раз мне ставили в пример бабушкиного брата — дядю Юру. Дядя Юра был старше бабушки на четыре года. Со слов родственников, в юные годы он был отважный малый. Часто дрался и всегда до конца отстаивал своё «я». Ребята, что были постарше, уважали его за это и при встрече жали ему руку, угощали папиросой. Дядя Юра всегда был справедлив, презирал трусость и подхалимство. Бабушка Зоя, с её слов, ходила по улице королевой: никто её не задирали и не трогали. Знали, что она Юрки Кулакова младшая сестра. Однажды бабушка без спросу взяла у брата велосипед, пока того не было дома, и умудрилась наvertнуться с горы. Колесо — восьмёркой, руль — в обратную сторону... Ба-

бушка боялась идти домой. Было страшно и стыдно, что без спроса взяла чужую вещь. До позднего вечера гуляла за деревней, ждала, когда тётя придёт с работы. А когда вернулась домой с поломанным велосипедом, на крыльце её давно поджидал Юрка.

— Я, Юр... вот... сломала чуть-чуть, — виновато призналась бабушка.

Дядя Юра молча осмотрел велосипед и сестру.

— Главное, что сама не убила. А железке чего будет! Её всегда починить можно, — сказал дядя Юра и принялся чинить поломку. — Ступай в избу. Проголодалась, поди.

Дядя Юра сразу после армии поехал за невестой в Запорожье. Там и остался. Пока дядя Юра нёс службу в Вооружённых силах СССР, его невеста Аннушка из Дивеево перебралась в Запорожье, куда на заработки уехала её старшая сестра. Вместе с дядей Юрой они трудились на металлургическом заводе «Запорожсталь». Жили на съёмных квартирах, в общежитиях. Поженились. Получили свою квартиру, стали городскими жителями. Воспитали двух сыновей — Александра и Андрея.

Вот, кстати, в далёком 1956 году кинорежиссёр Марлен Хуциев снял художественный фильм «Весна на Заречной улице» о рабочей молодёжи этого самого завода «Запорожсталь», где трудился мой дядя.

Хорошо помню, как с Украины приходили от дяди Юры посылки. Целые коробки грецких орехов! Пока мама с бабушкой читали письмо, мы с сестрёнкой всю уже колупали и колотили чем попало орехи. Иногда дядя Юра и сам приезжал на малую родину погостить, проведать родных и близких. Останавливался он нередко в Москве у дяди Гены, а затем поездом держал путь до Арзамаса и уже на автобусе — в Дивеево.

Мне нравилось гулять с дядей Юрой, слушать его. Был он рассудительный, неторопливый в движении и в разговоре. Правильный был, всегда опрятный: в нагрудном кармане носил расчёску. Я хотел быть на него похожим. И не дай бог кто-нибудь сказал бы ему тогда о моих проказах! Я бы точно сгорел со стыда. При нём даже вёл себя намного скромнее и тише. Помню, как весной убирали мы с

ним снег с крыши сарая, и дядя Юра рассказывал о Запорожье, про реку Днепр, в которой после доведется мне не раз искупаться, о том, что грецкие орехи у них растут, как у нас яблоки, — и никто на них уже не обращает внимания: хочешь — осенью мешками собирай. А на его даче — спелый виноград. И ещё про Чёрное море, про горы. Я, всегда мечтавший о большом путешествии, с раскрытым ртом, затаив дыхание, слушал его истории. Вечерами мы с дядей Юрой глядели бокс по телевизору, и я вновь понимал его рассказами.

— Подрастёшь малость, — говорил мне дядя Юра, — и приедешь ко мне в гости. Непременно всё тебе покажу и расскажу.

— Обязательно приеду, — обещал я.

— Город у нас красивый. ДнепроГЭС увидишь. Такого масштаба конструкция, сооружённая руками человеческими, — диву даёшься!.. И до моря недалеко, — улыбался дядя Юра. — Надо будет — и туда съездим.

Как же я грезил тогда этой поездкой! Ночи не спал. Знал, что обязательно ей суждено сбыться. Так и случилось: в Запорожье я ездил три раза.

В июле 2008 года я и бабушка Зоя направились к дяде Юре в гости. Познакомились мы с красивым городом (правда, бабушка там уже была, ещё в советские годы), погостили на даче, прошли по Днепру на теплоходе, порыбачили, посетили остров Хортица. И даже из Запорожья на несколько дней поездом рванули в Крым, в Евпаторию. С бабушкой море мы тогда увидели впервые. Крик чаек, шум набежавшей волны, голубое небо, сливавшееся с водой у горизонта, и множество кораблей... Не опишешь двумя словами тот восторг, что мы испытали в первую минуту, когда увидели море!..

Следующая поездка состоялась через два года. В марте 2010 года глава города Белицкое Донецкой области А.Т. Заварзин пригласил родственников погибших в бою воинов-освободителей города отпраздновать День Победы. С бабушкой Зоей мы навестили дядю Юру в Запорожье, и оттуда все вместе отправились в Донецкую область, где когда-то в далёком 1943 году, освобождая землю от фашистов, героически пал в бою мой прадедущка — Кула-

ков Александр Алексеевич. 9 мая мы с бабушкой Зоей рассыпали на братскую могилу привезённую из Дивеево землю — горсть земли с родины положили на могилу деда.

В третий раз, вновь через два года, в феврале 2012, мы с бабушкой Зоей отправились в Запорожье, чтобы проститься с дядей Юрой. Рак победил его за несколько месяцев. Дядя Юра сильно похудел, утратил силу, практически не вставал с постели. Тётя Аня, его супруга, позвонила нам, попросила приехать, сказала, что время идёт на часы. И мы с бабушкой сразу же поспешили на поезд. В Москве на Курском вокзале я узнал, что дядя Юра умер. Не стал об этом говорить бабушке: дорога дальняя — не знал, как она перенесёт эту весть. Сердце моё рвалось на части, когда я беседовал с бабушкой, смотрел в её грустные глаза, в которых отражалась надежда застать брата. Она ехала к живому! Не знала ещё, какая страшная новость ожидает её в скором времени.

А через пару лет не станет и бабушки Зои. Рано утром 4 ноября 2014 года бабушка, как обычно заварив на кухне кофе, включит телевизор, приляжет на диван и больше не проснётся.

Каждая человеческая жизнь — это книга. С многочисленными историями и своим сюжетом. И радость, и боль, любовь и обида, дружба и предательство, разочарование и смех — всё в этих книгах жизни встречается сполна. Разные эти книги жизни: короткие, длинные, полные интриг и авантур или же до однообразия скучные. Одно могу сказать точно: жизнь у бабушки Зои и дяди Юры была не простой, но интересной и честной. А это самое главное.

ПЁТР ГАВРИЛОВИЧ

*Петух красиво лёг на плаху,
Допев своё ку-ка-ре-ку,
И капли крови на рубаху
Брезгливо кинул мужику.*

Аркадий Кутилов

1

Митька сидит на сушилах, шмыгает носом, поглаживает левую ногу и тревожно глядит вниз. Во дворе гуляют куры. Рядом, красуясь разноцветным оперением, важно вышагивает петух. С него-то и не сводит злющих глаз парень. Не успел он выйти во двор, как тот вихрем набросился и успел клюнуть ногу. Стоило Митьке приехать к бабушке с дедушкой в гости, как у них с петухом завязалась враждебная война, в которой он, Митька, к несчастью, одерживает поражение. Совсем не даёт прохода драчун. Заприметит — коршуном бросается, не отобьёшься.

Вот и сегодня Митька спросонья вышел из избы и, лениво протирая глаза, подошёл к рукомойнику. И только было хотел прогнать остатки сна, как ощутил резкую боль в бедре, оттого и шагнул в сторону. На него, выпятив грудь вперёд и приподняв гребень, наступал пернатый разбойник. Как ни пытался Митька отмахнуться полотенцем — ничего не вышло. С петухом было не справиться. А Митька умудрился лишь обжечь ногу о молодую крапиву, что росла у забора. Затем он пулей метнулся к сушилам, вбежал по лестнице и, поглядывая сверху на обидчика, стал думать, как бы того проучить.

Во двор вышла бабушка. Поправив на ходу платок, она развесила на бельевой верёвке дедушкины портки. Хотела было зайти в огород, как в её сторону бросились две взбалмошные курицы.

— А ну!.. Ишь, окаянные! — бабушка топнула ногой и прикрыла калитку. — Хитрые какие! И не углядишь!

Бывало, какая-нибудь дурная курица находила щель, проскальзывала в овощное царство и творила там неведомо что. Пернатых к тому же привлекала куча навоза. Забравшись на самый верх, куры расшвыривали его лапами в поисках жучков-червячков. Не прочь были пройтись и вдоль грядок. Заприметив эдакое безобразие, бабушка брала хворостину и, бранясь какими только можно словами, выпроваживала хулиганок, затем шла вдоль забора, внимательно выискивая дыру.

— Ба-а! — подал Митька голос.

— Аиньки! — отозвалась старушка. — Ишь, куда забрался! Оно тебе надо? Ступай в избу! Голодный ить!

— Ты одна?

— С кем мне быть?

— А дедушка где?

— Почто он тебе? — укрывшись от солнца ладонью, спрашивает бабушка. — Ни свет ни заря к Афанасию на конный двор утопал. Должен вот-вот вернуться.

Митька стесняется при дедушке ябедничать на петуха. Да и бабушке признаваться стыдно, что испугался какой-то там птицы. А слезать надо.

— И долго будешь там сидеть? — ворчит бабушка, видать, в огород идти передумала. Заманивает Митьку: — Яичницу я пожарила. На блинах ещё жар сковороды. С молочком-то, а! М-м-м, — качает головой. — Ступай. Нечего на пустой желудок игру затевать.

За эти несколько дней, пока Митька гостит в деревне, он хорошо пригляделся к своему обидчику, которого соседские мужики в шутку величают Петром Гавриловичем. Спросите: отчего такие привилегии петуху? Ответ простой: за его бойкий характер. Не раз приходилось заступаться тому за курочек своих. Как наседка оберегает цыплят, так и Петя в обиду подруг своих никому не даёт. Выпустит бабушка кур со двора — те и рады погулять возле дома. Где какого жучка-червячка в траве найдут или в пыль усядутся и будут полдня, как барыни, нежиться под солнцем. Петух рядом стоит, не мешает, но и глаз держит строго. Где вдруг какая опасность — камнем бросится, не подпустит. С собаками и с теми драку заводит. Соседскому Мухтару бока так исклевал, что тот теперь при виде Пет-

ра Гавриловича обходит кур стороной, поджав трусливо плешивый хвост. Петухи и вовсе клюв не кажут — избегают встречи, как солома огня. Козёл еремеевский, огородный преступник, тоже однажды попал под раздачу. Сам Еремей — мужик пьющий, вредный. И скотина его такая же — наглая. Чуть что — и в чужие огороды! Знает, где поживиться можно. Как не ругайся с Ерёмой, как не прогоняй козла — обоим побоку. На слова и брань и бровью не ведут. Как-то раз козёл решил забраться к Митькиному дедушке Гаврилу Ивановичу в огород, испробовать свежей капусты, но сильно об этом пожалел. С громким меканьем выбежал рогатый на улицу с петухом на спине. Вцепился пернатый мёртвой хваткой и барабанной дробью что есть сил принялся клевать козью шкуру. Так и бегал козёл по деревне людям на потеху. С тех пор свою бесстыжую морду не суёт куда не следует. Быстро отвалился. Народ в деревне в благодарность, но больше шутки ради стал Петю величать Петром Гавриловичем.

— Гаврил Иванович, едрён карась! — хвалили мужики. — Какого атамана взрастил!.. Молодец!

Людей Пётр Гаврилович не трогал и жил со всеми мирно. Знал, что ни ему, ни его курам ничего плохого человек не сделает. И Митьку бы, наверное, не трогал тоже, если бы тот первый не стал задираться. А дело было так. В день приезда бабушка накрыла стол и накормила любимого внука от пуза. Выйдя во двор, Митька обнаружил, что его футбольный мяч, который он привёз из города и оставил у крыльца, был отмечен курами.

— Кто?.. Кто это сделал? — ругался Митька с пернатыми. — Я вас спрашиваю!

Пётр Гаврилович за всем этим наблюдал со стороны с большим удивлением. Зачем, мол, так орать? И когда осторожно шагнул к человеку, тот запустил в него мячом. Такого унижения петух простить не мог. Потому-то и не даёт он теперь Митьке покоя.

Бабушка двинулась к дому.

— Постой! — окликнул её внук.

— Чего ты? — обернулась старушка. Рядом гулял петух. — Опять?

Митька спустился вниз.

— Чего он у вас какой?.. Проходу не даёт.

— Я от покажу счас, как крылья распускать. Ишь, поглядите-ка. Хозяин выискался, — старушка загнала петуха в сарай. — Вот и сиди теперь, думай над своим поведением.

— Нечего вообще выпускать, — обрадовался Митька и с бабушкой вошёл в дом.

После завтрака Митька отправился гулять. Нравилось ему у бабушки с дедушкой в гостях. Лето здесь особенное, не то что в городе. Машины не шумят. Никто не галдит, хоть и занят каждый своим делом. Тихо. Спокойно. Никто в суматохе не носится туда-сюда сломя голову, не мельтешит перед глазами... Окинешь улицу взглядом — вся как на ладони. Серая дорога, по обе стороны — дворы, голубое небо, пушистые облака... У колонки, где стоит таз с водой, кучкуются гуси. На пригорке пасётся рыжий телёнок. Щебечут птицы. Откуда-то доносится лёгкое поросычье похрюкивание. Пахнет соломой, навозом и тёплой пылью.

Митька держал путь к Володькиному дому, хотел позвать того купаться.

2

Митька и Володька дружат не первый год. Познакомились, когда Митька впервые навестил бабушку с дедушкой. Володька — шустрый малый. Всё ему интересно и обо всём на свете непременно нужно знать, и похулиганить никогда не откажется. Худой, юркий, рыжий. Волосы редкие, растрёпанные, будто костёр полыхает. И веснушки по всему лицу так и пляшут, особенно у носа. Бабушка сказала как-то, что его солнышко любит.

— Будешь сливу? — предложил Володька при их первой встрече и протянул Митьке две. — Городской, что ли?

— Ага, — тот взял сливы.

— Я и гляжу. Я городских сразу распознаю, — улыбнулся и добавил: — У старика Афанасия сливы — во! — показал большой палец. — Будет ружьём пугать — не бойся. Оно не заряжено и давно уже не годно.

— У нас тоже есть сливы. И тоже вкусные. Идём, угощу, — предложил Митька.

— То свои, а то... Или трусишь? — поддел Володька.

— Нет, — растерялся Митька.

— Все вы городские... хитрые, — сказано это было как вызов: не пойти нельзя.

С первыми сумерками Митька с Володькой отправились «огородничать». Осторожно перелезли через забор. Сад у старика Афанасия был действительно хороший. Яблони, груши, вишни — деревце к деревцу аккуратно посажены в ряд. И, как нарочно, слива росла у самого дома возле крыжовника и прочих ягод.

— Может, ну её? Лучше яблок нарвём, — предложил Митька.

В свои восемь лет он «огородничал» впервые, и ему было не по себе: с каждым шагом по спине бежал противный холодок и поджимались колени.

— Так неинтересно. Идём, не бойся, — помаанил рукой Володька и предупредил: — Только ветви не ломай, а то попадёт.

Осторожно подкрались к сливе. Рыжий хулиган тут же стал набивать карманы плодами. Митька с опаской водил головой по сторонам, наконец решился. И только он ухватился за сливу, как наткнулся взглядом на старика: тот стоял в окне и грозил пальцем. Митька с перепугу закричал на всю ивановскую и бросился в другой конец сада, выбежал на огород, налетел на пугало.

На крыльце появился хозяин сада.

— Я вот вам, пострелята! — кричал старик Афанасий. — Уши вмиг надеру!

Митька сломя голову бросился через весь огород прямо по грядкам, пока не наткнулся на забор и не скрылся из виду. Чуть позже его ждала встреча с соседом и неприятная беседа с дедушкой.

Утром Митька вновь повстречал Володьку. Фиолетовое и чуть опухшее ухо его бросалось в глаза.

— А-а, — не дожидаясь расспросов, сказал паренёк. — Батя надрал. Он, когда выпьет, строгий. Вчера принял малость. Успел где-то. А ты думал старик? Фигульки. Он только ябедничать может да ружьём пугать. А чтобы оплеуху выписать — трусит, — и Володька важно добавил: — Проверено.

— В другой раз лучше у нас сливы нарвём. Бабушка не против. И смородина есть, — сказал Митька, не сводя глаз с огромного Володькиного уха.

— Ничего ты не понимаешь, — рыжий улыбнулся и вдруг, протянув ладонь, представился: — Владимир.

— Дмитрий, — пожал ладонь Митька и засмеялся: на дело сходили, а имён друг друга и не знали.

Тогда они и подружились.

3

Митька застал Володьку дома, и друзья решились пойти купаться.

Река шумела, извивалась и петляла, словно змея. С обрыва хорошо было видно горизонт. За рекой виднелись засеянные пашни и кромка леса. Прищуришься — цвета переливаются на солнце. Синие, жёлтые, зелёные... Будто художник невидимый бросил на холст краски, и имя этому художнику — лето. На смену ему придёт другой творец, всё озолотит в округе своей кистью.

Володька быстро разделся и важно подошёл к обрыву. Рыжая шевелюра его горела на солнце пламенем: поставь кастрюлю — закипит. Володька гордится своим цветом волос. «Рыжих солнце любит. И удача всегда с нами», — говорит он бабушкиными словами. И когда смеётся, а смеётся он звонко, как колокольчик, веснушки у его носа весело пляшут.

И загар у Володьки что надо. Спина, грудь, ноги — шоколадные. Наверное, он и зимой такой же. Митька вспомнил, как в позапрошлом году в первый же день приезда обгорел на солнце. Вечером бабушка обмазала его сметаной, укоризненно приговаривая: «Торопясь только лоб разбить можно».

— Я... как Володька хотел, — оправдывался Митька.

— Додумался, — улыбнулась бабушка. — Рази за ним угонишься! Он всё лето нагишом носится. Что ему солнце раскалённое? Как гусю — водица.

— Ничё, — возразил дед. — К школе и наш будет как головёшка.

И правда! Когда уезжал Митька в город, загар на нём лежал ровненько, гладенько, как заасфальтированная дорога.

У самого обрыва росла ива. К её толстой ветке была привязана тарзанка. Володька отважно

свистнул на всю округу, ухватился ладонями за палку, хорошенько разбежался и взмахнул над рекой словно птица.

— Э-ге-гей! — прокричал Володька, хлопнул на лету в ладоши и «солдатином» вошёл в воду.

Володькины прыжки — это отдельный вид искусства. Митька всегда дивился его ловкости. Лучше всех он лазит по деревьям. Бегают — не утонишься. Если надо, он тебе и в нору залезет, и на лошадь взберётся. Казалось бы, что может Володьку испугать? И всё же кое-что было. Володька боялся грома — Митька это давно заметил. Только чуть небо начнёт хмуриться, как вместе с ним и Володька. Съёжится он, будто украл чего, даже веснушки в эту пору на лице его перестают веселиться и тоже кажутся сердитыми.

Был у них тогда разговор.

— Счас ка-ак загремит!.. — пугал Митька. — Тучи какие! Аж почернело всё.

— Пошли домой, — позвал приятель.

— Подумаешь, дождь, — хвастался Митька.

— Я и молнии не боюсь. Гуляю по улице, и хоть бы хны.

— Ну и дурак, — сердился Володька. — В районе мужика одного молния стукнула. Говорят, ума напрочь лишился. И силы его покинули. С ложечки кормили. А в Яблочный Спас помер... Вот и гляди.

Так что, не дожидаясь грома, Володька, нахлобучив кепку по самый нос, всегда спешил домой.

А сейчас у тарзанки Володька велел:

— А ну, подсоби, — а сам уже крепко держится за тарзанку.

Митька взял его за ноги и оттянул назад как можно дальше. Отпустил. Паренёк торпедой рассёк воздух и затем коршуном полетел вниз. Бульк! Круги ровно пошли по воде. Красиво вошёл!

Накупавшись вдоволь, друзья растянулись на тёплом песке, как морские тюлени.

— Я здесь, — Володька показал рукой на реку, — этой весной щуку поймал. На пять килограмм.

— На сколько?! — ушам не верил Митька.

— На пять! — кивнул приятель. — Еле вытащил. А икры в ней... Пожаришь — пальчики оближешь. Батя жарил.

— Съел? — Митьке любопытно.

Володька кивнул:

— Отец, когда выпьет, пожрать любит.

— Так ведь... это... браконьерство вроде как, — сказал Митька. — В икрёмёт рыбу удить...

— Чепуха, — отмахнулся Володька. — Что ж я теперь на своей реке и половить не могу? Кто мне запретит?

Митька посмотрел на друга. Тот, засунув в рот травинку, разглядывал песок, попутно размышляя. А ведь действительно, живёт мальчишка двенадцать лет в родной деревне, ходит в школу, играет в футбол. Он — неотъемлемая часть этого уголка. Зимой катается на коньках по реке, весной на этой самой реке ловит рыбу. И кто ему запретит? В этих местах она, река, и правда его, мальчишки того, как и других жителей. Вот если бы он, Митька, поймал ту бедную щуку в икрёмёт — тогда да, это было бы преступлением однозначно. Потому как нечего совать свой нос в чужие угодья. А Володьке можно, он — свой.

— Дедушка здесь как-то сома выловил. С меня ростом, — Митька тоже решил похвастаться.

— Там дальше, — Володька показал рукой, — омуты — излюбленное место сомов.

— И такие большие? — Митька готов удивляться.

— Разные. Есть ещё больше тебя. Как два тебя. А то и три! — Володька разошёлся.

— Ого, — Митька восхищен. — Такой проглотит и усом не поведёт.

— Чего? — Володька озадачен.

— Да. А ты не знал? Сом — та же акула. Схватит за ногу, утащит под воду, засунет под корягу до лучших времён. А как проголодается, съест.

— Городской... — Володька расплылся в улыбке.

— Чего ты? — возмутился Митька. — Отчего люди тонут и пропадают в реках? Проглотит сом, и поминай как звали.

— Водяные их утаскивают. На самое илистое дно. А русалки им в этом помогают. Заманивают, — свою версию предложил Володька: он-то знает, местный.

— Ты серьёзно? — Митька в сомнениях. — Сказки всё это.

— Бабка Матрёна сказывала. А ей врать ни к

чему. Много чего знает и чего повидала. Даже с колдунами дело имела, — сказал Володька и оглянулся. — А русалок здесь и правда много.

Загорелись Митькины глаза:

— Неужто видел?!

— Не так-то их легко застать врасплох. Хитрые. Остерегаются нашего брата. Знают, ничего хорошего от человека не жди. А ежели и заметит кто и убежать не успеет — всё... Пением своим заманят в реку и потопят, — поведал Володька. — А такие, как ты, будут потом трезвонить, что сом проглотил. А сом и делов не ведаёт.

— По телевизору говорили... — Митька будто оправдывается.

— Там и не такое скажут, — усмехнулся Володька. — Ты меня слушай. Я эти места вдоль и поперёк знаю. Лучше всякого телевизора.

— А ежели и нас с тобой за ноги схватят и уволокнут в своё царство речное? — немного поразмыслив, сказал Митька.

— Нужны мы им, как же! — отмахнулся Володька. — Им женихов подавай. А с нас что взять? В дневнике и те двойки.

Митька чуть похвалился:

— Зато я пою неплохо...

— Там таких певцов... — сказал Володька. — Слышал стоны под водой?

— Какие стоны? — Митька даже насторожился.

— А я слышал, — приятель выплюнул травинку, лёг поудобнее на бок. — Играли мы как-то раз у малого пляжа с ребятами в догонялки. Погнался за мной Пашка-Цапля. Плавает, как теплоход. Полреки занимает. Руки в стороны растопырит, попробуй убеги от такого. И решил я, значит, под ним проплыть. Занырнул на самое дно, плыву, грудью касаясь песка, и вдруг слышу, как кто-то плачет...

— Плачет?! — перебил изумленный Митька.

— Ну да, плачет, — подтвердил Володька и продолжил: — Прислушался я. Так и есть: кто-то жалобно стонет. Мне не по себе стало. Хотел было вынырнуть, как стон этот вдруг на смех перешёл. И слова доносятся непонятные. Одно разобрал и запомнил: «Ягай».

— Ягай... — эхом зачарованно повторил Митька. — Что это?

— Не что, а кто, — поправил Володька. — Сам

я не ведал. У бати спросил, а тот и говорит, что жил здесь давным-давно мужик один по прозвищу Ягай. Браконьерничал страх как! Уж и ругали его мужики, и грозились побить — всё ему нипочём. А в купаловскую ночь пошёл сети глядеть и сгинул. Нашли, говорят, после самого в сетях запутанного. А по всему телу синяки от пальцев. Защекотали бедолагу до смерти.

— Русалки?! — догадался Митька.

— Так это их любимое развлечение, — со знанием дела подтвердил друг. — А он, Ягай-то, тоже додумался... На Ивана Купалу к реке сунулся один. Когда вся нечисть в эту ночь пирует. Русалки и подавно, — Володька потёр веснушчатый нос. — Видишь, как бывает. Самому себе на погибель сети приготовил.

— Я теперь в воду ни ногой, — выпалил Митька.

Володька поддел его:

— Да не трусь. Ничего они тебе не сделают. Тем более городскому.

— А это при чём здесь? — Митька даже обиделся. И правда, чем он хуже?

Но Володька на вопрос не ответил, вместо того продолжил:

— Лешие, водяные, кикиморы... Если не сталкивался с ними, то это не значит, что их нет. Другие нарочно ближе к человеку ютятся. Банник, скажем. Этот в банях живёт. Хорошего хозяина в жизнь не тронет. А вот лентяю спуску не даст. Натаскал воды мало, плохо баню протопил — жди неприятностей. Ущипнёт банник невзначай или — того хуже! — ошпарит. Он и у меня мочалку прятал. Оглянуться не успел, а её уж и след простыл. Искал её, искал — нет нигде. А утром сунулся — на гвозде висит как ни в чём не бывало.

— У меня носки так пропадали, — признался Митька.

— Домовой, — заверил Володька. — Его рук дело. Этот тоже хулиганить мастак.

А затем он перевернулся на спину и принялся любоваться облаками.

Митька тоже уставился в небо, задумался насчёт сказанного.

«Почему бы и нет? — подумал. — Если уж учёные во все голоса твердят, что инопланетяне существуют, то уж леший с кикиморой болотной — и подавно. Может, они и есть одни из

иноземных существ? Кто знает? Спустились на Землю и по какой-то там непонятной причине воротиться обратно не могут. Вот и кукуют здесь, превратившись с годами в ворчливого старика и неугомонную старуху. Никто их не видит, но заблудить в лесу или утратить в болото могут. Сами заплутали среди космических миров и честным людям покоя не дают».

А потом мысли Митьки переключились на бабу Матрёну. И Матрёна, старушка эта, обманывать не станет, решил он. Если говорит, что так есть, — значит, правда. Добрая она, почти не слышит — приходится кричать ей на левое ухо. Володька говорит, что она и по губам читать может. Каждый раз при встрече Матрёна пытается угостить ребятишек пирогом или конфетами. Володька возьмёт один пирог, чтоб не обидеть, — больше не берёт и Митьке не позволяет. Нечего, мол, бедную старушку объедать. Да разве с двух-трёх пирогов с неё убудет? Их потому и пекут, чтобы угощать. Пирог — это тебе не каша и не суп с луком. Пирога много не бывает. И даже когда сытый, всегда можно прихватить с собой на всякий случай. Сунул в карман — и шагай дальше по своим делам. Но Володьку не переубедить. Если что вбил в голову, так тому и быть. Хуже самого упрямого осла!

Вспомнил Митька и про свою бабушку. А ведь и его, Митькина, бабушка недалеко от Матрёны ушла! Бабушки все, что ли, такие?

Так вот бабушка Митьки и сама баловала внука выпечкой, но то — дома. А так, если гулял да мимо пробежал — попробуй-ка забеги в дом и возьми пирог! Увидит бабушка, подумает, что парень проголодался, и через силу накормит. И пока всё не съешь, из-за стола у неё не выйдешь. «Тебе чаю налить аль молока?.. Всё сытнее, — захлопочет, заворчит Митькина бабушка. — Кушай за столом. Нечего по деревне с едой носиться. Все карманы в крошках! Ишь, нас с дедом срамишь! Дома тебя, что ли, не кормят! Поди не беспризорная душа».

А ещё бабушка Митьки была упрямой! Наверно, не меньше, чем Володька. Её было сложно в чем-то переубедить. И приткой она была, шустрой, как сами пацаны. Порой Митька удивлялся, как она везде всё успевает! Маленькая, худенькая, а всё у ней чин-чинарём. Чистенько, убрано как во дворе, так и в избе, и

на плите. Всё по полочкам, всё аккуратненько. Если Митька в комнате не уберётся, мама после работы вечером заглянет, сядет уставшая на диван и ворчливо вздохнёт: «Сил моих больше нет». А бабушка-то никогда не ворчит. И силы у неё всегда есть, даже под вечер без дела не сидит. То крупу за столом перебирает, то вязать возьмётся. И ничего, не жалуется.

Каждый раз, когда Митька глядел на бабушку, в голове рождалась мысль, что в детстве она была девчонкой шустрой. Бегала, поди, так, что не утонишься! И плавала лучше всех, даже лучше Володьки.

А сейчас, заскучав молча и без дела валяться на травке да глазеть на облака, Митька перекатился на бочок, посмотрел на друга. Задумался: интересно, каким Володька будет в старости? Тоже, поди, как Митькина бабушка будет весь в делах и со всеми спорить. Ни секунды Володька на месте не просидит. Рыжий цвет его, конечно, с годами скроет седина. А вот прыткость останется. Наверняка!.. А каким будет в старости он, Митька? Вопрос хороший. Митька попытался представить себя. Так же красочно обрисовать картину, как с Володькой, не получалось.

Поблизости слышались чьи-то голоса и шаги. К реке вышли Жорик и двое его дружков. Жорику шёл четырнадцатый год, рос он безотцовщиной. Может быть, поэтому быстро отбил от рук и не слушался взрослых. Пороть-то Жорика некому и мужской наказ дать тоже... Многие мальчишки его побаивались за дурной характер. Своё мнение Жорик всегда отстаивал кулаками, и не важно, прав он или нет. А то и просто так по уху даст, потому что плохое настроение. Ходил Жорик постоянно в ссадинах и синяках, говорил со всеми на тон выше.

— Лежит-полёживается... — обратился он к Володьке. — Бегай, ищи его.

— Сдался я тебе, — обронил Володька, не поднимая головы.

— Значит, сдался, — повысил Жорик голос. — Вставай, если не трусишь.

— Чего? — Володька вопросительно уставился на него.

— Я лежачих не бью, — добавил Жорик.

Володька поднялся, отряхнул ноги, подошёл к ребятам:

— Ну?

— Ты кобеля моего пнул? — не сколько спросил, сколько обвинил Жорик.

— Из рогатки он его, прямо в ухо, — из-за его спины подсказал один из приятелей.

— Ну? Было дело? — напирал на Володьку Жорик.

Тот даже покраснел.

— Чего он у тебя на всю округу горланит? — попытался оправдаться Володька. — И днём и ночью покоя нет. Блохи, поди, заели, да помыты некому... На людей бросаться стал. Наверняка уже жаловались.

— И чё? — раздул ноздри Жорик.

— Утихомирил бы! — осмелел уже Володька. — Будет и дальше на прохожих скалиться, хребет быстро кто-нибудь сломает. Найдётся увесистый сапог. Мужики у нас, сам знаешь, терпеть не станут.

Сжав кулаки и прищурив глаза, Жорик молчал: не знал, что ответить. И эта беспомощность разжигала огонь неприязни ещё сильнее.

Володька было направился обратно, то есть к Митьке, но рассерженный такой беседой Жорик с приятелями набросились на него. Завязалась драка.

Митька стоял в стороне и наблюдал за тем, как трое бьют одного. Володька увёртывался как мог, сам наотмашь лупил неприятелей, но силы были неравные. Мальчишки спустили его с обрыва и победно захохотали.

Подошли к Митьке.

— Молодец, что не вступился. Не надо тебе это, — сказал Жорик и похлопал Митьку по плечу. Затем с друзьями направился обратно в деревню.

Митька глядел им вслед. Жалость, трусость, неприязнь к самому себе — всё это сейчас остро ощущалось и угнетало. Почему не вступился?.. Не его это дело?.. Когда бьют твоего друга, да ещё втроём, — это не может не касаться и тебя. Значит, проявил Митька самую настоящую трусость, не искупить её просто так. Утраченные уважение и доверие нелегко завоевать заново — такие моменты надолго запоминаются и сидят в душе занозой, порой всю жизнь. Митька сейчас это хорошо осознавал и как никогда боялся встречи с Володькой, — боялся заглянуть ему в глаза, боялся справедливого руга-

тельства или — того хуже — презрительного молчания. Появилось сильное желание убежать, скрыться, провалиться сквозь землю. Впервые в жизни Митька ощутил этот омерзительный привкус... привкус предательства. Когда предали не тебя, а ты сам. Это чувство намного противнее. Глубоко оно забирается в душу, гниёт изнутри и долго будет не давать покоя. Митька уже знал это и сильно сожалел о случившемся... Трус! Негодяй! Предатель!.. Хуже девчонки!

Митька вспомнил присказку дедушки: «после драки кулаками не машут». И стало ему ещё тягостней.

Рядом появился побитый Володька — подошёл к одежде, которая горкой валялась на берегу. Не проронив ни слова, он взял одежду и, не посмотрев даже в Митькину сторону, поковылял к дому. Митька хотел попросить прощения, сказать хоть что-то в оправдание, но язык будто намертво пристыл к нёбу, — хотелось сгореть от стыда. На душе было плохо.

4

Митька в одиночестве тоже побрёл в сторону домов, но остановился у колхозного пруда. Сел на бережку. Так и сидел, бросал камушки в воду. В деревню идти не хотелось. Там уже, наверное, о трусливом поступке его разужнали все, в том числе и бабушка с дедушкой.

«Как же так? — спросит дедушка. — Рази этому мы тебя с отцом учили? Чтоб ты друзей своих верных предавал?»

«Не уберёт ты нас на старости лет от позора такого, — вздохнёт бабушка. — Как к людям теперь выйти, как в глаза им глядеть?»

«Пушай домой едет, в город свой, — скажет дедушка. — Хотя и там предатели не нужны. Труссы нигде никому не нужны».

Митька с силой запустил очередной камень в воду. Тот громко плюхнулся и скрылся из виду, оставив после себя большие круги.

Митька всё сидел у пруда — то размышлял над своим поступком, то вспоминал, сколько весёлых дней они с другом прожили вместе. И как же хорошо было им!..

Володька, конечно, никому не скажет, не такой он мальчишка, чтоб трезвонить направо и

налево о своём бывшем друге. Ну, трусил... Ну, с кем не бывает? Митька призадумался. Нет, не верно. С Володькой такого бы не случилось. Окажись он, Митька, на его месте, тот, не раздумывая, ввязался бы в драку. Вон он как отважно сражался против троих — не поджал трусливо хвост, не пытался убежать и даже о помощи не крикнул, — бился до последнего. Нет, Володька Митьке не под стать: с этим парнем смело можно идти в разведку — не подведёт.

Припомнилось Митьке сегодняшнее собственное размышление, когда представлял он, каким Володька будет в старости. А сам он, Митька, каким?.. Сейчас в воображении паренька предстал худенький, скверный и пугливый старичок. Он всё время оглядывается по сторонам и боится каждого шороха, ни с кем он не дружит, потому что все его презирают от мала до велика. Малышня и та со смехом зовёт Иудой.

Митька сгрёб ладонью горсть камушков и со злостью запустил их в пруд. Те дробью разлетелись по воде.

Нужно ехать домой, в город. Сегодня же Митька попросит бабушку, чтоб посадила на вечерний автобус, и больше он сюда не вернётся. Никогда. Да. Только что говорить бабушке? Правильно ли это будет? Возможно ли от себя убежать? Нет. Понял Митька: и в городе тоже будет преследовать это ужасное чувство. Никуда от него не скроешься, никуда не денешься. С этим теперь как-то нужно жить.

А может, пойти к Володьке и извиниться? Митька задумался. Даже как-то легче стало на душе от этой мысли. А простит ли? Станет ли вообще слушать и разговаривать?

5

Митька припомнил, как в прошлом году он привёз из города старый бинокль. Отец разрешил взять с собой: ему он был не нужен и без дела стоял на полке. Володька пришёл в полный восторг.

— Вот это вещь! — хвалил он, не выпуская из рук драгоценную игрушку. — Ночью луну разглядывать будем.

— Зачем — луну? — не понял Митька.

— Давно хочу узнать, кто там на ней живёт, — пояснил Володька.

— Далеко так бинокль не возьмёт, — предположил Митька. — Телескоп нужен.

Володька будто усомнился:

— Пробовал?

— Нет, — пожал плечами Митька. — Как-то в голову не приходило.

— Не знаешь, а говоришь, — Володька направил бинокль на крону дерева. — Разглядим. Никуда она от нас не денется. Вдоль и поперёк изучим.

— Как ты её с обратной стороны изучать собрался? — спросил Митька.

Володька разглядывал дерево, улыбался:

— Каждый листочек как на ладони. Даже паука присмотрел. И паутину егошнюю. Во — прибор! — показал большой палец.

— Ну... я не знаю, — всё ещё сомневался Митька.

Володька запрокинул голову, будто сквозь пелену облаков уже изучал невидимую луну. Вынул из кармана свиной клык, пообещал Митьке:

— Отдам не глядя, если ничего не выйдет.

— Зачем он мне? — чуть отпрянул Митька.

— Как это зачем? — даже возмутился Володька. — Девчонок пугать. Знаешь, как визжат, даже старшеклассницы. Не у каждого такой клык есть, а в городе и подавно. Покажешь в классе — ребята обзавидуются, — и, поразмыслив, добавил: — Забирай так. Я себе ещё раздобуду.

Вечером друзья отправились к Володькиному дому. С его чердака удобнее забраться на крышу, и скат не такой крутой — не так страшно. Митькины бабушка с дедушкой уж точно не позволили бы им забраться невесть куда, да ещё ночью. А здесь, у Володьки, никто и не ведает, чем друзья занимаются, даже родители. Володька знает, как незаметно пробраться на чердак.

— Ну вот, — сказал он, — отсюда мы шагов на тридцать ближе к луне. Уже плюс.

«Почему на тридцать? — подумал Митька, посмотрев вниз, и решил для себя: — Наверное, Володька считал шаги, пока мы шли по коридору и взбирались по чердаку».

Показалась соседская девчонка Варька.

— Чего это вы там делаете? — спросила она.

— Домового из трубы выманиваем, — улыбнулся Володька.

— Так я и поверила. Ври больше, — Варька усмехнулась.

Мальчишки захохотали.

— Неужто бинокль? — углядела девчонка у них в руках прибор.

— Ишь, глазастая, — поддел Володька.

— Ещё какая, — не обиделась девочка. — Иголку в стог сена найду. Дайте бинокль поглядеть.

Володька надул губу:

— Ещё чего.

— Вам жалко, что ли? — не отставала Варька.

— А если сломаешь? — Митька тоже для приличия возразил.

Девчонка мигом нашлась:

— Так что, он у вас игрушечный, что ли? Из пластмассы?

— Варька! — Володька попытался осадить её.

— Вот всегда так: где что случись — и ты рядом.

— Виновата я, что ты напротив нас живёшь, — как будто оправдывалась девочка и вдруг вспомнила: — А хотите, я сгущёнки принесу? Мамка наварила.

— Нужна нам твоя сгущёнка. — Володька важно прошёлся по крыше, как пират по палубе корабля. — Этим нас не удивишь.

Варька ладонью подпёрла подбородок, призадумалась:

— Тогда... тогда я вам свой секретик покажу. Только вам двоим...

— Какой такой секретик? — заинтересовался Митька.

— Утром узнаете, — приободрившись, пообещала девчонка.

— Ладно, — как будто нехотя согласился Володька, тут же добавил: — А сгущёнку свою, так уж и быть, неси. И сама к нам взбирайся.

Варька побежала домой, а Володька мигом спустился на землю, поджидая соседку. Когда она вернулась, оба забрались на крышу. Варька не обманула: принесла литровую бутылку сгущёнки. Мальчишки принялись за лакомство. Бинокль, как у отважного морепроходца, висел у Володьки на груди.

— Вкусная, — похвалил Митька сгущёнку. — Никогда не пробовал такой — в бутылке из-под лимонада.

— Мамка на продажу наварила, — пояснила Варька. — Утром в район собралась. На рынок.

— Недосчитается одной! — довольный Митька хохотнул.

— Не хватится, — успокоила Варька. — Много наготовила. Одна где затеряется — и не заметишь.

— Хорошо, когда корова своя, — деловито рассуждал Володька. — Молока хоть отбавляй. И творог свой. И сметана с маслом. И сгущёнки вари сколько душе угодно!

— Ага. А сена сколько надо!.. Сенокос никто не отменял! — подхватила девочка. — Уморишься. Это тебе не огород полить.

— Много сена надо? — любопытствовал Митька.

— Мы ещё кроликов держим, так что много, — вздохнула Варька. — Ушастые тоже не меньше коровы любой едят.

За разговором не заметили, как на небе появилась луна. Володька поднёс бинокль к переносице и принялся внимательно изучать спутник Земли.

— Ну? — выдохнул Митька, которому не терпелось перехватить бинокль.

— Подожди, — не сразу ответил друг.

— Чего там? — Варька тоже уставилась в небо.

Володька долго смотрел через бинокль на луну, чего-то ждал затаив дыхание, на вопросы не отвечал, лишь дёргал плечом в ответ на тычки ребят, а сам будто боялся шелохнуться. Наконец тихо, растягивая слова, произнёс:

— Во-о-от они...

— Кто? — тревожно шепнула Варька.

— Дай посмотрю! — Митька опять потянулся к биноклю в руках Володьки.

— Не спеши, — тот повёл плечом. — Ты гляди, чё творят...

— Чего? — глаза Митьки горели любопытством.

— Маршируют... как оловянные солдатики, — нарочито спокойно отвечал Володька. — Митинг, что ли, у них?

Варька не выдержала: взявшись за бинокль, потянула его на себя, — и Володькина шея с ремешком наклонилась в её сторону. Затаив дыхание, девочка принялась разглядывать луну.

— Где митинг? Никого не вижу.

— Лучше смотри, — с нажимом велел Володька.

— Да нет никого, — расстроилась соседка.

— Мне!.. Мне дайте! — почти крикнул горевший нетерпением Митька.

Володька снял со своей шеи бинокль и протянул прибор другу.

— И правда, луну и то плохо видно. Где там солдатики на митинге? — в Митькином голосе слышалось разочарование.

На улице было тихо, только кузнечики стрекотали. Летняя ночная тишина особая — приятно пугающая. Задохнуться можно от такой тишины. Сядешь на лавку такой ночью — и будто один ты во всём мире, и нет до тебя никому дела. А утро ещё так далеко! И все заботы и проблемы в сторону отходят, будто и нет их больше. Вся суета, все невзгоды дожидаются светлого дня. А ночью... В эту тихую лунную ночь ты один на земле. Только букашки стрекочут в траве, только ночная птица пролетит, выискивая кого-то. Ночью и думается лучше, спокойнее.

— А кто на луне был-то? — не унималась Варька. — Как выглядели хоть? Зелёненькие?

Володька не ответил. Молча забрал у Митьки бинокль, вновь уставился в небо.

— Плясать стали, — погода немного, сказал. — Праздник, видать, какой у них. А один... Вот... вот... вот... — Володька регулировал кратность бинокля. — Точно, тот один на скрипке играет.

— Врёшь! — выпалила Варька, опять хватаясь за бинокль. Она с жадностью уставилась в ночную темноту звёздного океана. — Ну нет же никого!

— Не видишь, это не значит, что нет, — невозмутимо сказал Володька. — Может, их только и могут разглядеть... избранные.

Внизу у дома уж минут десять как появился Варькин брат Степан. Он стоял у самого забора и подслушивал разговор, пока его не заметили.

— Тебе чего здесь надо? — крикнул Володька, высмотрев с крыши Степана.

— Варька, ступай домой. Мать зовёт! — не ответив, велел тот сестре.

— Зачем? — подала голос девочка.

— Ты сгущёнку утащила? — строго крикнул Степан.

— Вот ещё, — пробовала отпереться та.

— Не хитри. Я всё видел! — напирал брат.

Были они с Варькой из двойни. Но настолько разные! Не похожи совсем ни лицом, ни тем более характером.

— Наябедничал уже, — вздохнула Варька и собралась спускаться с крыши.

— Покажешь завтра секрет? — напомнил ей Митька.

— Обещала же, — улыбнулась та.

Митька посмотрел на Володьку: тот, по-прежнему наблюдая за луной, всем своим видом выказывал, что причастен к какой-то тайне, доступной только посвященным. Правда, кого он там увидел? Или забавы ради пытался разыграть Митьку? Пойми его... Кто их, рыжих, знает?

— Варька! Варька-а!.. — со двора вновь раздался голос Степана.

Володька обернулся и заметил возле входа на чердак притихшую девочку. Деваться некуда: надо отправить её домой, иначе брат не отстанет. И Володька помог ей спуститься с крыши.

Ночь опять окутала друзей, оставшихся вдвоем, тишиной и свежестью. Мальчишки ещё чуток посидели под луной и тоже отправились по домам.

А Варька не обманула! На следующее утро повела ребят показывать им свой секретик. Шли на окраину села к старому колодцу. Когда-то там стояла изба, но хозяева умерли, дети с внуками разъехались по городам. Без присмотра она и сгорела. Мешал кому дом тот или какие другие обстоятельства — ребята не ведали. Давно это было, место бурьяном поросло. И лишь прогнивший колодец напоминал, что и здесь когда-то люди брали воду.

Именно туда и протоптала едва приметную тропку Варька.

— Всё, пришли, — улыбнулась девочка, глаза её загадочно засияли. — Только вам двоим показываю. Храните секретик в тайне!

Варька присела на корточки и ладонями указала на тайник. Это была неглубокая ямка, в которой хранились алые бусы, синие камушки, бумажные модницы, вырезанные со страниц женских журналов, губная помада, заколка, обрывок открытки с изображением моря, дюжина почтовых марок. Тайник был укрыт зелёным

стёклышком от лимонадной бутылки и утробован по краям землёй.

Варька вынула бусы:

— Красивые, правда?

— Так и знал, что ничего серьёзного, — буркнул Володька. — Девичьи штучки.

— Я вам секретик открыла, а вы... Неблагодарные, — обиделась Варька.

— В самом деле, чего ты? — Митька протянул другу почтовую марку. — Отец такие в детстве коллекционировал. Говорил, редкие экземпляры больших денег стоят.

— Можете взять по одной, — разрешила Варька.

Мальчишки принялись выбирать лучшую, по их мнению, марку.

Поблизости появился Степан:

— Ага! — выкрикнул, показавшись из зарослей высокой травы. — Вот кто у родителей вещи тырит!

— Кто — тырит? Они им не нужны, — Варька не на шутку рассердилась на такое обвинение.

— Так и скажем: тырит! — задиристо засмеялся Степан.

Варька нахмурилась пуще прежнего.

— Прекратишь когда-нибудь следить за мной?! Как хвост повсюду ходишь!

— Хочу и слежу, — нагло ответил брат. — И ничего ты мне не сделаешь.

— Она не сделает, а я сделаю! — с вызовом сказал Володька и двинулся к Варькиному брату.

Тот трусил, бросился к дороге через густую заросль травы, обзывая ребят на бегу.

— Скажу отцу, он тебе задаст! — угрожал Степан. — Покажет!.. Всем покажет, как руки распускать!

— Иди уже! — топнула ногой Варька. — Не позорься!

— Хорошо, что вы со Стёпкой совсем не похожи, — сказал Володька. — А то... не разговаривал бы сейчас с тобой.

— Это почему ещё?! — возмутилась Варька.

— Не терплю ябед и предателей, — пояснил рыжий. — А его... Степку твоего... когда-нибудь стукну! Допрыгается!

— Если только разок и не больно, — согласилась Варька. — Может, и на пользу ему будет.

6

Митька уже часа два сидел-высиживал возле пруда в одиночестве. В очередной раз тяжело вздыхал, мысленно коря себя за то, что предал Володьку и дал перед Жоркой с его приятелями слабину.

Задумчивый Митька поднял с песка камешек, хотел было запустить в пруд, но нет, передумал: рука его безвольно опустилась. Опять на душе у него с новой силой заскребли кошки. Неужели не помирятся они с Володькой? Неужели так никогда и не помирятся? От этой мысли Митьке хотелось выть.

Послышалось коровье мычанье и окрик пастуха Кузьмы: старик вёл стадо на водопой. Рядом, вывалив язык, носилась дворняга Найда. Митька глянул на приближающихся телят, коз и крупных быков, вздохнул: выходит, честному разговору с самим собой в одиночестве конец.

— А ну, ить! Держим строй! Ать-два! — громко командовал Кузьма. — Не расходимся!

Стадо послушно чуть ли не нога в ногу шло впереди старика. Одни коровы приблизились к пруду, зашли в воду, чтобы утолить жажду. Другие — те, что остались в сторонке, — стояли, прогоняя хвостом назойливых слепней. Третьи, прожорливые, разбрелись по берегу пруда в поисках травы.

Кузьма остановился рядом с Митькой, закурил махорку, тут же тёрся молодой козлёнок и блеял.

— А ты... чего тут один? — спросил старик Митьку. — Рыбы здесь нет. Место такое... Купаться здесь лягушата и те побрезгуют.

— Я не купаться пришёл, — буркнул Митька, это получилось у него резко, с раздражением, и он, испугавшись такой интонации, уже мягче спросил, кивнув на козлёнка: — Чего не уймётся никак? Маленький, а шуму...

— А что с того, что маленький? — усмехнулся Кузьма, пыхнув махорочным дымком. — Такой же живой, как и мы с тобой. И права егошние такие же, как и у других в стаде. Хочет — поёт, хочет — травку щиплет. Кто запретит?

— Устал, поди?.. Вон как надрывается, — Митька изобразил участие.

— Мамку ищет, — пояснил Кузьма.

— И где она?

— Думается, что шкура иёшняя на заборе сохнет.

— А? — не понял Митька.

— Вчерась ногу повредила. Макарьевых бык копытом придавил. Вымахал балбес, а ума — с грецкий орех. Мучение одно с таким наглецом. — Кузьма перевёл взгляд на крупного пятнистого быка, что стоял поодаль. Бык, будто в подтверждение слов пастуха, двинулся к воде, расталкивая всех на своём пути.

— Кнутом бы ему по заднице, чтоб неповадно было, — советовал Митька.

— А ты... чьих будешь, малец? — вдруг спросил старик, с любопытством разглядывая паренька.

— А то вы не знаете, — удивился Митька и даже немного обиделся.

— Дэк... не припоминаю. Лицо знакомо, вижу. А как звать — не скажу, — отвечал Кузьма. — Не обессудь. Память, краса-девица, подводить стала. Ноги ишо ходют, а лица распознаю с трудом. Так чьих, говоришь, ты?..

— Местный я, — попытался выкрутиться Митька: отчего-то не хотелось тут разглагольствовать с Кузьмой, настроение не то.

— Не бреши мне! — пастух оценивающе осмотрел всю Митькину фигурку. — С памятью я хоть не в ладах, а наших деревенских мальчишек всех знаю от мала до велика. По имени, может, и не скажу. Но если наш, без ошибки назову, чьих он будет! Своих всех в лицо знаю.

— Прокофьев я. Димка, — признался паренёк.

— Гаврилыча внук, получается?

— Получается, что так. Знаете дедушку?

— Спрашиваешь! — ухмыльнулся Кузьма. — Пацанятами на току зерно молотили вместе с бабами не один год. Уж после на комбайн пересели. Как уборочная — с утра до ночи в поле. И Тамару, бабушку твою, знаю хорошо. И Валерку с Оксанкой. И Петра Гавриловича. Всех знаю. Ишо бы!

— Петра Гавриловича? Хм, серьёзно?.. Подумаешь... Велика честь ему. — Митька почесал ногу, которую сегодня утром пернатый разбойник умудрился клюнуть. — Обычная птица.

— Не скажи, — не согласился Кузьма. — Смелость она ить у каждого уважение всколыхнёт. Что в людях, что в живности какой. Даже врага своего и то, случается, за смелость уважаешь. И правильно. Не каждый храбрым нра-

вом может похвастаться, — докурив, старик прокашлялся и продолжил: — Порой где смолчишь, заприметив несправедливость. И то молчание будто бельмо тебе на глазу, покоя оно не даёт. А другой человек и начальству не побоится нос утереть, если оно не право. А уж ежели во благо других готов голову на отсечение отдать... рази может не вызвать восхищения поступок этот?.. — Старик Кузьма перевёл взгляд на быка Макарьевых: тот стоял поодаль от всех, смотрел на воду. — Оболтус, ишь! А ты, парень, не гляди на него, что большой. Рази это пример? Маленького и слабого каждый обидеть может. Лиха ли победа?.. А вот когда маленький большому усы в кулак сожмёт, да поделом, тогда да-а... Совсем другой разговор... Не зря народ пестуха твою Гаврилычем величает. Хоть в шутку, а и то приятно ему. Сам говоришь: птица обычная. А ты попробуй-ка курочек тронь его! Любого пса, поджав хвост, уносить ноги заставит! Гребень Гаврилычу за отвагу не раз рвали. Но храбрость не уймёшь! А после того как Гаврилыч козла проучил, я без уважения на него глядеть не могу. Это ж надо... — Кузьма кивнул на быка: — Этому бы ишо показал, где гуси-лебеди зимуют. Не гляди, что большой и рогатый! Струсит, ядрён его в дышло. Уж я-то знаю!

Митька вспомнил петуха. И чего он в самом деле так его принижает да борется с ним? Радоваться Митька должен, что у бабки с дедом такой отважный петух! Всем петухам петух! В деревне его по имени-отчеству величают. А он, Митька, войну с ним ведёт. Разве ж это дело?! Да и в чём петух перед ним виноват? Тем, что Митька первым в него мячом запустил, а тот не струсил и дал отпор? Да, не струсил петух тогда! А Митька сегодня на Володькиных глазах струсил. И опять стыдно стало Митьке — еще и перед петухом. Вон как за курочек заступается, как верно старик подметил, не жалея себя. А он, Митька... Эх, за друга не вступился: поджав трусливо хвост, глядел, как его избивают втроём. Неприятен Митьке бык? А ведь и сам он такой же, ничем не лучше вредного глупого быка. А случись чего — и тут же в кусты. Я, мол, не я, и корова не моя. А пойти к Володьке и извиниться — на это духу не хватает. И в этом Митька — трус! Коленки трясут-

ся, как у серенького зайчика! Далеко Митьке до Петра Гавриловича! Ох, как далеко!

Тяжко было даже мысленно соглашаться с такими обвинениями. Собрался Митька с силами, решил Володьку найти.

— Пойду и извинюсь, — сказал вслух сам себе и встал с травы.

— Чего говоришь? — не понял Кузьма.

— Ничего, дедушка. Отдыхайте. Пойду я к дому ближе, — посвящать в эту историю пастуха Митьке не хотелось.

— Поспешай не торопясь, — наставлял Кузьма.

7

Митька направился быстрым шагом домой. Для себя он решил: сегодня же помириться с петухом, а уж завтра... А завтра с утра пораньше — сразу к Володьке. От этой мысли на мгновение Митьке стало легче.

«Самых лучших семян и зёрен петуху дам. Червей навозных накопаю. Нужно будет — светлянки наловлю зыбкой. Куры рыбёшку эту любят, — размышлял на ходу Митька. — Ничего. Помиримся и с Петром Гавриловичем, и с Володькой. Обязательно помиримся».

Митька вошёл во двор. Кур во дворе не было. Обычно бабушка так рано их не загоняет. А ведь из-за его жалобы Петра Гавриловича сегодня лишили прогулки и заперли в сарае. Куры, поди, затосковали и сами запросились на ночлег. Разделить неприятную участь со своим Петей. Куда они без него?

Скоро Митька был на своём дворе. Первым делом подошёл к сараю, заглянул в щель: так и есть — куры на шесте. Слабый свет падал из маленького окна. А петуха не было видно. Наверное, сидит сейчас в тёмном углу и точит на Митьку от обиды большой клюв.

«Ничего, — решил паренёк. — Ещё с ладони будет зёрнышки брать! Завтра его огурцом угощу. И семечек жареных куплю — обедение!»

Митька вошёл в дом. Дедушка сидел за столом, ужинал.

— От он! Гроза улиц! — едва заведя на пороге внука, объявил дед.

— Будто сам в его годы счёт времени знал! — заступилась бабушка. — Ишо поздней приходил! Затемно.

— А я — чего? Я ить ничего, — миролюбиво ответил старик. — Голодный, небось.

— Откуда ж ей, крошке, во рту взяться, коли целый день на ногах, — сказала бабушка.

— Бегай, пока бегаешь, — рассудил дедушка. — Оно и рад бы я побегать сейчас, попрыгать солдастиком оловянным... Дык ноги не слушаются.

— А тебе бы всё до седых волос козлёнком молодым скакать, — укорила бабушка, а сама, проходя мимо внука, легонько подтолкнула его к умывальнику.

Митька намылил ладони мылом, сполоснул холодной водой, вытер полотенцем и уселся за стол.

— Генка Трищёкий захаживал, — сказал дедушка. — Тот ишо проныра... Подумать не успеешь, а уже наперёд знает обо всём.

— Почему его Трищёким зовут? — поинтересовался Митька.

— Ест в три горла. Кашалот хромой! — ругнулась бабушка. — Не желудок, а бездонная яма, — и поставила на стол тарелку супа, пододвинула внуку сметаны.

— Чего Генка хотел? — спросила бабушка.

Дед — ей:

— А петуха просил. За любые деньги, говорит, куплю. Не губи, мол, бойца такого. Двух несушек предлагал на обмен и петуха своего щипленного.

— Ну, и согласился бы. Чего ты? — бабушка непонимающе уставилась на деда.

— Не прижился бы он там. Знаю, — твердо сказал дед. — От тоски исхудал бы весь... Да и как бы народ его величать стал? Пётр Геннадьевич? Глупо.

— Так и говори: не захотел сам. А то — не прижился бы!.. Ей, птице, что! Где кормят — там и дом. Крыша над головой не течёт — уже хорошо, — толковала бабушка.

Митька слушал их разговор молча, наконец у него zakралась догадка.

— Чего это вы? — он замер с ложкой в руках.

— А ты кушай-кушай, набирайся сил. Индейцы у врага своего лютого сердце ели и храбрыми становились. На медведя голыми руками шли. Так и ты, — сказал дедушка. — Заполучишь Петькиной силы, всех мальчишек во дворе на лопатки положишь. Помяни моё слово.

ОЛЕСИНА ПОЛЯНКА

— Нашёл чему парня учить! — заворчала бабушка.

— А чего? Так и есть, — дедушка, сдвинув бровь, добавил: — К бревну, значит, поднёс его... вытянул он шею, замер. Не шелохнулся даже. Всё ить понимал. Ишо бы! Любая живность погибель предчувствует. Телята и те плачут. А наш до последней секунды горд был, даже веко не прикрыл... Жалко. Ишо бы! Но дурить тоже незачем. Сроду на людей не кидался, а тут... Внучка — и обижать. Нехитро дело — и в глаз угодил бы. Э, нет! Виноват сам, — дедушка кивнул на кастрюлю. — Там ему и место.

Только теперь Митька догадался, о ком шла речь. В тарелке его среди картошки и капусты лежало куриное мясо.

Паренёк, отодвинув суп, молча вышел из-за стола. Во дворе у самого забора стоял тот самый чурбак, на котором попрощался с жизнью отважный Пётр Гаврилович. Видны были капли крови и прилипшие к дереву перья. Митька присел на ступеньки. Как же так?! Ведь это он виноват — Митька, а не... Сердце кольнула несправедливость. Натерпевшись за весь день поругания самого себя, постыдных мыслей и прочего укора, Митькина детская душа не выдержала. Паренёк положил голову на согнутые в коленях локти и тихонько заплакал.

О жестоком неравенстве, коварстве, трусости и предательстве он знал уже не понаслышке. Сердце теребили жгучая обида и понимание того, что нельзя ничего исправить. Жизнь — это не разбитая ваза, которую можно склеить. Даже у самой крохотной букашки жизнь одна. И нет ничего дороже и ценнее самой жизни. Извиниться всегда можно, даже трусость искупить кровью... А оборванную жизнь... Это не кубик-рубик — не склеишь и не соберёшь. Митька ещё раз посмотрел на старый чурбак, на котором виднелась застывшая кровь, на глазах вновь блеснули горькой беды слёзы.

Всю неделю моросил дождь, а ныне погода ясная. Тепло, свежо, хорошо по-летнему. И не скажешь, что конец сентября. Бабье лето заглянуло в гости. Наслаждайся, народ земной, последними деньками тёплыми. Мороз не за горами. Зима на смену спешит. Всему своё время.

По лесу, сбивая сапогами опавшую листву, шли двое — старый и малый. Дед, одетый в телогрейку, застёгнутую армейским ремнём, внимательно взирал под ноги. Правой ладонью он упирался на клюку, в левой нёс корзину с грибами. Звали его Кузьма. Рядом, стараясь не отстать, плёлся, раскачивая лукошко, мальчишка годов восьми. Димка, младший из внучат, — самый любознательный, всегда взъерошенный, как побитый воробей, и чуток ленивый.

— Деда! — стонет внук.

— Аюшки?

— Долго ещё?

— Ишь, торопыга какой, — отвечает старик, поправляя очки. — Саму малость осталось. Терпи.

Димка разглядывает небо. Молчание длится недолго.

— Деда, а деда, ты хорошо её знал?

— Олеську-то?... — Старик чешет бороду. — Как же не знать? В одну школу, поди, бегали вместе.

Кузьма громко кашляет в ладонь. Прищурившись, глядит по сторонам, потом заглядывает внуку в лукошко.

— Н-да... Негусто. Ты за грибами шёл али как?

— Набрал. Хватит, — увёртывается внук.

— Много ж ты насобирал, — улыбается Кузьма. — Курам на смех.

— Зачем одну оставили? Разве можно так?

— Кто кого оставил? — не вникает старик.

— Олесью. Говорю, подруги оставили зачем? — поясняет внук.

— Молодые потому как. Сами перепугались,

поди, до смерти. Вот и бросили, — в голосе деда улавливается угрюмость. Он не кажется сердитым, но бровь хмурит. — Да и чем бы они ей помогли?

— Надо было так: одна за помощью бежит, другая — с ней. Да, деда?.. Даже я знаю. А они... вдвоём умчались.

— Димка! — строго одернул дед.

— А?

— Гляди под ноги. Хватит ворон считать. За чем напросился? Чтоб отвлекать?

— Ага. Сам позвал, а теперь бубнишь, — внук будто обижается.

— Ишь ты! — старик улыбается.

— Чё тут искать, если их нет...

— Как нет? Быть того не может, — старик указывает на подосиновик, что прикрылся пожелтевшей листвой.

Димка быстро срезает его и кладёт в лукошко.

— И ещё один в коллекцию, — расплывается в улыбке парень.

— Ох, хитрюга, — улыбается за компанию Кузьма. — А говоришь, нету. Праильно, коль трындеть без умолку, много не насобираешь. Такого красавца чуть не упустил. Червям на съеденье оставить хотел. Ишь ты!

— Деда, — просит внук, — расскажи, как всё было?

— Сказывали ведь уже, да не по одному разу.

— Так это мне бабушка говорила. А бабушка, сам знаешь, как рассказывает. Это помню, а это не помню. Вроде было, а вроде и нет. На самом интересном спотыкается. — Димка приближается к деду, чтобы ни одно слово не упустить. Дед повторять не будет. Не любит, когда перебивают. — Всё больше бабушки знаешь. Ведь так? Память у тебя о-го-го какая! Да, деда?

Старик глядит на внука, качает головой. И в кого такой любознательный? В школе учится хорошо, грех жаловаться. Учителя его хвалят. Видимо, любопытство раньше его родилось. Обо всём на свете непременно нужно знать ему. И если уж что услышал краем уха, пока сто раз не переспросит, не успокоится. Ворошить прошлое старику не шибко хотелось. Но коль со старухой сболтнули — виноваты сами. Никуда от вопросов не денешься. И как бы

Кузьма ни хмурил бровь, внук знает: дед — добрейшей души человек. И вовсе не хочет понимать, что дедушка постарел и года его уже не те. С возрастом люди всё больше и больше любят тишину.

— Что тут говорить... Тут и говорить нечего... Всё в двух словах и скажешь. Какая где беда случись — небылиц наплетут, историй навьдумывают, что и не знаешь, чему верить порой. — Дед Кузьма замечает гриб. Осторожно откидывает клюкой со шляпки листву. Белый. Медленно нагибается, срезает, кладёт в корзину. — Давным-давно, когда я ишо молодым рысакom скакал по деревне, жила в наших краях одна девица. До того добрая, что каждую букашку, каждую дворняжку жалела и любила. Поговоришь с ней всего чуток, а будто родниковой водицы испил. На душе праздник. Хочется и самому сделать что-то хорошее. Бывает же так?.. Голос нежный, слова добрые-добрые. Сроду худого слова никому не скажет. Вот как.

— Красивая была? — Димка любопытствует.

— А? — не понял дед.

— Красивая?

— Не то слово. Любо поглядеть. До того лучезарна, что пройдёт мимо — аж сердце замирало. Большая это редкость, я тебе скажу, когда красивые люди так добры и милосердны.

— Нравилась тебе она, дед? — выпрашивает внук.

— Она всем нравилась, — признал Кузьма. — Не было на селе хлопца, который не мечтал бы её мужем стать.

— Бабушка говорит, ты её сильно любил, — обронил внук.

— Дурит твоя бабка. Слухай больше, — ругнулся дед, насупился, замолчал.

Лесная жизнь, которая за разговором не так ощущалась, напомнила о себе. Откуда-то доносилось ритмичное постукивание дятла. Под ногами шуршали листья и с треском ломались сухие ветви. Старик, упираясь на клюку, медленно нагибался, тихо кряхтел, срезая гриб. И Димка подумал даже, что дед нарочно выбрал грибную сторону, а его, неопытного, пихнул сюда, где, кроме мухоморов, которые он устал сбивать сапогом, мало что есть.

— Знает, где идти, — вздохнул паренёк.

— Чего ты? — не разобрал старик.
— Пить охота.
Старик расстегнул ремень, снял армейскую фляжку, отдал внуку. Тот жадно присосался к горлышку губами.
— Не торопись. Не отнимут.
Парень утолил жажду, вытер рукавом губы.
— Прямо как у солдата, — заметил Димка.
— А то, — не без гордости согласился Кузьма.
— Подрастёшь, пойдёшь в армию — такую же дадут.
— Не пойду. — Внук вернул дедушке фляжку.
— Папка говорит, нечего там делать.
— Папка твой сам не служил. И тебя не знает, чему учить.
— Разве это плохо?
— А то нет? — строго глянул на Димку дед. — Ишо как плохо. Какой из тебя жених вырастет, коли в армии не был? Пойдёшь к невесте, а та и на порог не выйдет. Скажет: нам хворые не нужны.
— Почему хворые? — внук будто не верит.
— А как же! Раз в армию не взяли, значит, болеешь чем... либо совсем дурак. — Старик постучал по дереву. — Аля-улю, паси гусей.
Димка засмеялся:
— Так я же сам не пойду!
— Поди потом докажи, что сам. Нет уж. За мамкиной юбкой прятаться не позволю.
Идут молча.
— А ты, деда, на танке ездил? — спрашивает внук.
— Нет. Не довелось.
— А на самолете летал?
— И на самолете не летал, — признаётся дедушка.
— А почему?
— Ну... как тебе сказать... В других войсках службу нёс.
— Бабушка говорит, ты поваром был.
— Праильно говорит, — кивает старик.
— Какой же это солдат... с половником? — в голосе внука улавливается ухмылка.
Старик потирает сухие губы, сбавляет шаг.
— Запомни. И передай другим. Голодный солдат — это уже не солдат. Роту целую накормить — не шутка. Тут тоже талант нужен. А из ружья хоть сейчас с воробья пёрышко снесу со ста метров. Может, и с двухсот.

— С двухсот? — дивится Димка.
— А то, — старик улыбается и указывает внуку под ноги. — Такой гриб перед носом самым, а ты... Совсем мышей не ловишь, как погляжу. Не возьмут тебя, братец, в разведчики.
— Больно надо.
— Ну-ну. Ну-ну.
Парень срезает гриб, показывает дедушке:
— Какой большой!
— Да, — соглашается Кузьма, — бабушка обрадуется. Настоящий богатырь. Давай его в корзину. Я дома похвастаю.
— Ну, конечно. — Димка кладёт гриб в лукошко. Дед посмеивается. Внук догадывается, что тот его разыграл, и тоже расплывается в улыбке.
— Трухнул? — улыбается старик.
— Нисколечко.
Старик поправляет очки, идёт дальше:
— Нравится тебе у нас?
— Нравится, деда. Очень нравится, — признаётся Димка.
— Во-от. Подрастёшь, будешь дедушку вспоминать, как ходили с ним по грибы.
— Буду.
— Обязательно будешь, — говорит старик. — Память — она девица такая. Пока ребёнок, вроде и не надо ничего. Наоборот, вырасти желаешь скорей. А чуть подрастёшь, как начнут сердечко шекотать далёкие прекрасные деньки. В тридцать о детстве вспомнишь, в сорок о юности заскучаешь не раз. А в семьдесят скажешь себе: как же хорошо было в пятьдесят лет!
— Отчего так, деда?
— А?
— Почему так всё происходит?
— Жизнь, — тихо обронил Кузьма. — Редко кто замечает положительное в настоящем. Верни мои сорок лет. Неужто я тебя на спине не покатаю бы? А? Ишо как покатаю бы.
— Ты, деда, и не старый вовсе.
Старик улыбается:
— Но уже и не юн.
— Дядя Кондрат моложе тебя, а выглядит старше. Почему так?
— Пьёт много. Столько дряни этой пить... давно сгниёшь заживо, — рассудил дед.
— Он, когда выпьет, смешной, — улыбается

внук. — Песни любит петь. Про коров рассказывает. Знаешь, сколько у него коров в стаде? Он мне сказывал, только я уже не помню. Дядя Кондрат говорит, что в пастухи не каждого берут. Только у кого душа добрая. Коровы это быстро распознают и злых пастухов не слушаются. Правда, деда?

— Всё может быть, — пожимает плечами старик. — Кондрат — мужик неплохой.

— Совсем не плохой. Мы с Витькой летом часто на лугу пропадали. Нам дядя Кондрат много историй разных сказывал. Оказывается, это Рыжуха шум подняла ночью, когда у Игнатьевых дом загорелся. Так мычала на всю округу, что разбудила всё село. Мы с Витькой долго разглядывали потом эту Рыжуху. Такая же корова, как и все другие. Пятнистая и брюхастая. А видишь как! Людям жизнь спасла. Дядя Кондрат говорит, что на месте Степана Игнатьева её не стал бы забивать. Рука не поднялась бы.

— Да, — проронил старик. — Кормилицу свою всегда лелеешь и жалеешь. А тут ишо и спасительница. Тебя и детишек от страшной смерти уберегла. Рази нож после этого наточишь на шкуру иё?.. Нет.

Старик остановился. Прищутив глаза, уставился вдаль.

— Пришли? — Димка вместе с дедом глядит на крохотную поляну, окольцованную деревьями-великанами. В небе медленно проплывают пушистые облака. Солнце бросает лучи на этот маленький островок, и потому среди лесной глуши это место особенно радует светом и теплом.

— Пришли, — не сразу сказал старик.

— Олесина полянка?

— Она самая.

— Здесь её змеи покусали?.. — внук озирается.

— Нет. Дальше. Далеко отсюда. Там сейчас болото.

Дед Кузьма шагает на поляну, а там ставит корзину на землю.

— Тут от... она и лежала. У дуба. У самых корней, — старик показал рукой. — Даже смерть не способна была погасить красоту её неземную. Не увял цветок и после гибели. Всем селом примчались сюда, когда узнали о трагедии. Долго не решался никто потревожить её сон

вечный. Многие плакали. Да... плакали. Никто не желал верить, что её больше нет... Будто взаправду спала. Ни ужаса, ни скорби на лице не было. А ведь знала, что умирает. Знала.

Помолчали.

— Ить забрались девки в самый гадюшник. Туда сроду за ягодами никто не ходил. Змей там кишмя кишит. А они, дурёхи молодые... К самому оврагу подошли. Видать, оступилась Олеся и угодила прямоком в змеиный очаг... Много укусов было. Много... Рази тут выкарабкаешься?

Старик и парень молча глядят на поляну. И не скажешь, и не подумаешь, что когда-то давным-давно здесь угасла чья-то жизнь. Обычная лесная полянка, на которой весной распускаются цветы, летают бабочки и кружат пчелы. Обыденное место, каких множество в каждом лесу.

Старик Кузьма подходит к дубу. Вынимает из кармана варёное яйцо, пирожок и горсть конфет, кладёт рядом с деревом.

— Дядя Кондрат говорит, что подруги её в яму толкнули, — обронил Димка.

— Ты про Галину?.. Откуда Кондрату знать? Он тогда совсем мальцом был. Хотя...

— Что — хотя? — ухватился за слово внук.

— Поговаривал народ, конечно. Как без этого? Мол, заманили в гиблое место и погубили невинную душу. Да ить никто не знает, как на самом деле оно было всё. Нечего грех на душу брать. Это какой же камень за пазухой носить надо, чтоб такое сотворить? Как с этим жить после?.. Впрочем, судьба и с ними сыграла злую шутку. — Старик помолчал. — Галина в город подалась, замуж вышла. Да тока не сложилась у неё семейная жизнь. Вернулась к матери исхудавшая и озлобленная на весь мир. В зиму захворала сильно и померла в февральские морозы. А к лету и другая девица, что была с ними, утонула в реке. Счас уж и не вспомню, как звали. Видишь как. Даже имени не помню. Словно и не было человека. А вот Олеся... Олесю и по сей день добрым словом вспоминают. Хорошие люди остаются в памяти навсегда. Потому-то в народе это место и величают её именем. Живой памятник здесь Олесе. Не там, где смерть приняла от гадов, нет. А здесь, где уснула сном вечным. Нередко

встретишь, проходя мимо этого дуба, оставленные кем-то цветы и сладости. Каждый, кто идёт по грибы-ягоды и бывает здесь, чтит память девушки, доброту и нежность которой помнят до сих пор. Полвека уже миновало, а история эта живёт по сей день. Переходит из одних уст в другие. Нас со старухой не будет, Кондрата не станет, ишо кого... А внуки наши нет-нет да поведают своим детям, а те — своим, что когда-то давным-давно в селе Митяшино жила девушка неземной красоты и с добрым чутким сердцем. И покажут им эту самую полянку, это дерево. Чтоб каждый, кто будет в этих местах, оставил яичко и помянул добрым словом Олесю. Да. Жизнь можно прокоротать вековую, и никто о тебе не вспомнит. А можно прожить быстро, словно песню, и навсегда остаться в памяти людской. Понимаешь это, Димка? Человек ценится по поступкам. По делам своим.

— По делам? — внук вопросительно уставился на деда.

— Именно по делам, — повторил старик. — Потому и надо прожить эту жизнь правильно, честно. Помогать людям, делать добро. И люди отплатят тебе тем же. Обязательно. Хоро-

ших людей много. Что ни говори. Случись где какая беда — и тебе помогут, не пройдут мимо. — Старик кладёт внуку на плечо ладонь и идёт с ним в обратную сторону.

— Бабушка, поди, борщ нам приготовила, — обещает Димке.

— Не люблю суп, — тот морщит лицо.

— В нём вся сила...

— А говорил, в каше, — напоминает паренек.

— И в каше тоже, — соглашается Кузьма. — Но и от супа не откажемся, да?

Димка пожимает плечами.

— Бабушка старалась-старалась, а мы... Негоже это, парень. Ложку — за маму, ложку — за папу, не мне тебя учить.

Идут дальше молча.

— Это ведь доброе дело? — спрашивает вдруг Димка. — Суп съесть?

— Бабушку порадовать? Ишо какое! — в голосе деда одобрение.

— Я, деда, две тарелки съем. Вот увидишь.

— От это правильно. Это хорошо, — Кузьма утвердительно кивает.

И идут старый да малый к дому, не спешат, улыбаются...

Антон Евгеньевич ЛУКИН

родился в 1985 году.

Окончил Ардатовский аграрный техникум.

Прозаик. Автор девяти книг прозы.

Публиковался в периодических изданиях, среди которых

«Наш современник», «Огни Кузбасса»,

«Литературная учеба», «Южная звезда», «Молодая гвардия»,

«Литературная газета», «День литературы» и др.

Лауреат премии «Умное сердце» имени Андрея Платонова (2012).

Дипломант всероссийского конкурса «Золотой Дельви» (2013).

Лауреат ресурса «Российский писатель» в номинации «Новое имя» (2013),

гран-призер литературного конкурса «Хрустальный родник» (2014),

финалист международной Южно-Уральской премии (2015),

финалист Корнейчуковской премии (2016, 2017).

Лауреат премии журнала «Север» в номинации «Проза» (2022).

Член Союза писателей России.

Живет в селе Дивеево Нижегородской области.

